

18+

изображение: Freerik.com

ГОРВИЙ ХАРИТОНОВ

A central image showing an astronaut in a white spacesuit floating in a circular opening of a space station. The station's interior is illuminated with a strong red light, and the background shows the complex structure of the station's hull.

**НАСТОЯЩАЯ
КНИГА**

АНТОЛОГИЯ

Юрий Харитонов
Настоящая книга

«Издательские решения»

Харитонов Ю. В.

Настоящая книга / Ю. В. Харитонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569310-5

Тихо ветер ночной задувает последние угли костра, у которого ведется размеренное повествование. Где-то среди звезд бесчисленные судьбы сплетают рисунок жизни. И вот вам несколько из них. Десять невероятных историй. Десять различных судеб...

ISBN 978-5-00-569310-5

© Харитонов Ю. В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Алые небеса	7
Тайный древний	21
Затянувшийся кошмар	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Настоящая книга

Юрий Владимирович Харитонов

© Юрий Владимирович Харитонов, 2023

ISBN 978-5-0056-9310-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Привет тебе, уважаемый путник по новым историям. Очень рад, что ты нашел время погулять по удивительным мирам, чужим мыслям и чувствам. Будь как дома: устраивайся поудобнее, и пусть дикий миры завлекут тебя. Немного ужасов, чуть-чуть фэнтези и много научной фантастики – таков коктейль этой антологии, и я приготовил его с любовью и бережным отношением к жанру фантастики.

Алые небеса

– Пойдем, Эверетт, покажу пульт управления!

– Пульт управления чем, мамочка?

– Жизнью! И всем остальным.

– А как это? Ты нажмешь кнопку, и я умру? И все-все-все-все-все люди тоже?

– Нет, – улыбнулась мама, – это обратная сторона механизма. Если его остановить, все умрут. А мы – ты и я – правители планеты и, одновременно, Хранители Машины, – можем управлять с помощью пульта энергией, которую производит механизм! Мы следим за тем, как и сколько Гравитатор извлечет энергии из...

– Это те гигантские камни? Они всегда висят в небе, закрывая и солнце, и луну? – застенчиво спросила девочка, указывая через высокое арочное окно Замка Хранителей, в котором они с мамой жили, на ночной город и заслоняющие лунный свет гигантские скалы, парящие в воздухе. Девочке всегда казалось, что камни вот-вот упадут на землю и навсегда раздавят и жалких людишек, и столь же ничтожные здания. – И их принцип гравиа... гравипа... гравитации?

– Да, – слегка улыбнулась мать. – Это те танцующие над городом скалы, что часто закрывают нам солнце и луну. – Женщина подошла к сидящей на подоконнике дочери и повела рукой, обводя жестом город. – Все эти люди не понимают, почему два раза в сутки их тянет вверх, как и предметы, как и камни, и воду. Они лишь надеются на нас и древнюю Машину. Им плевать, почему это происходит, они не хотят знать, отчего вода создает обратный водопад и в реке, и море, где на них влияние камней, – хранительница указала на скалы, загораживающие луну, выделенные словно аурой её призрачным светом, – максимально велико. Для них все просто: магия. А мы маги и хранители. Людям лишь бы жить и развлекаться. Именно для этого они подвесили дощечки и камни на веревки, прикрепили к земле и крышам. – Хранительница повела рукой вдоль зданий, утопающих в тени небесных глыб, стараясь повторить изгибы опасного пути молодых, на котором уже не одно поколение подростков свернуло шею. – Два раза в сутки этот мусор поднимается и образует очень опасные мосты, и по ним молодёжь, соревнуясь в глупости, прыгает, словно атайари. Когда-нибудь я положу этому конец!

– А мне нравится! – к неудовольствию матери заявила девочка. – Я иногда сижу у окна и наблюдаю, как они прыгают. Дух захватывает!

– В этом нет ничего захватывающего, Эверетт! – помотала головой Трийти. – Люди не понимают, что это не магия, и гибнут. И чудеса, поднимающие воду, камни и людей вверх, вполне себе искусственные. Гравимагнитная энергия, которую производит Гравитатор, удерживает гигантские камни на безопасном расстоянии и использует гравитационную силу от взаимодействия Кайзии и каменных глыб. Машина создает невероятно сложное поле, а оно удерживает систему обломков в положении вечно падающего тела и не дает им ни упасть и уничтожить нашу планету, ни, что еще удивительнее, улететь в космос, навсегда лишив нас приливных сил гравитации. Поэтому неограниченный поток энергии с мощностью, что регулируем мы с тобой, поступает в наши дома, наши заводы и фабрики жизнеобеспечения, а они поддерживают на Кайзии нужную среду. Воздух, тепло и влажность, гравитацию. И пусть несколько раз в сутки мы испытываем легкий дискомфорт от ослабления силы притяжения и надеваем специальные поясные грузы, чтобы не взлететь; пусть вода вдруг устремляется в небо, а потом неожиданно падает; пусть простым людям во сне приходится пристегивать себя к кровати, чтобы не взлететь к потолку, а потом с грохотом не упасть на пол, жизнь на нашей планете все еще существует. И всем этим управляем мы.

– То есть, – зачарованно прошептала девочка, рассматривая город за окнами. Легкие прямоугольные постройки, убегающие вдаль ровными улицами, были освещены спокойным

светом зеленоватой луны. А тени от небесных камней пересекали прямые линии освещенных улиц под острыми углами, делая пейзаж за окном невероятным и фантастическим. – То есть, если машину выключить, то всё это разрушится, и все умрут?

– Бог мой, деточка! – всплеснула руками удивлённая и обеспокоенная женщина. – И откуда ты такая любознательная на мою голову?!

– Сама родила, – пожалала плечами дочь.

– Это правда, – немного успокоившись продолжила хранительница. – И, знаешь ли, рожала не для того, чтобы ты умерла. Так ведь?

– Ага, – согласилась девочка и высокопарно добавила, копируя тон матери: – Вы как всегда правы, хранительница Трийти.

– Ну вот, – женщина подняла вверх палец, – наша задача не выключить Машину, а следить, чтобы она никогда не останавливалась! Понятно?

– Понятно, – согласилась дочь, но потом уточнила: – Значит это правда: выключишь – все погибнет?

– Да, – рано или поздно Трийти пришлось бы сообщить преемнице об этой возможности, но раз уж дочь догадалась, то пусть знает наверняка. – Да, древние инженеры заложили возможность остановки Гравитатора в конструкцию, и я не знаю зачем. Мать моей матери рассказывала, что якобы для защиты от инопланетных захватчиков, которые уже тысячу лет не беспокоили нас. Но такой ценой?.. Я не уверена, что правильно поняла мысль инженеров. Якобы, чтобы спастись, нужно уничтожить себя... Может, они имели в виду что-нибудь другое?

– Бабушка Ракиль говорит, что лучше смерть, чем позор рабства.

– А ты знаешь больше, чем я думала! – удивилась мать, выразительно вздернув брови. – Надо бы поменьше вам с бабушкой общаться, а то мало ли...

– А что такое рабство? – уточнила дочь, переключив внимание на новый термин, который теперь может объяснить мать.

– Рабство?.. – зачем-то переспросила мать. И попыталась подобрать слова, чтобы объяснить давно забытое слово. – Это... это... Ну знаешь, когда тебе запрещено что-то. И... заставляют против воли что-то. И... и... бьют! Да-да! Совершенно верно – при рабстве бьют! Но у нас же нет рабства? Не так ли?

– Да, нет, – задумчиво согласилась дочь, и добавила: – но откуда-то это слово появилось? – Трийти в замешательстве молчала. Женщина не помнила, откуда знает и слово, и его значение, а потом дочь легко перевела тему:

– Покажешь, как выключить машину?

– Э-э-э... – замаялась мать, но затем вышла из положения: – Потом, конечно, а сейчас давай покажу, как не дать ей остановиться! Согласна?

– Да! – с улыбкой согласилась девочка, будущая правительница и хранительница Адзанга, да и всей Кайзии, что уж говорить. Прежде чем пойти с матерью, Эверетт на секунду задержалась у окна. В этот момент тень от особо огромной глыбы сползла с площади перед Храмом, и девочка увидела мальчика и мужчину, молчаливо застывших перед грандиозным сооружением. Они просто стояли и осматривали Храм. Молча. Не двигаясь. И тень от другой небесной глыбы набежала и скрыла их.

«Что бы это значило?» – подумала девочка.

Время – четвертое измерение, неизменный спутник и путеводитель энтропии – неумолимо двигало вперед всё вокруг и старалось рассеять энергию, вложенную выселенной в создание своих творений. Пять лет прошло, превратив как маленькую семилетнюю девочку в угловатую и тощую двенадцатилетку, так и ее характер из спокойно-созерцающего в нетерпеливо-дерзкий. Многие традиции и порядки в Храме Гравитатора стали вызывать у нее нетерпение, замешанное на отвращении, как, например, сегодняшний обряд, на котором Эверетт

вынуждена была находиться каждый год с момента, когда будущей правительнице исполнилось десять лет.

– Юная леди, – прошептал врачеватель, заметивший нетерпение девочки, – еще немного. Скоро все разрешится. Мальчик вот-вот появится...

Тем временем на церемониальном ложе – кровати, стоящей посреди огромного зала и окруженной толпой Хранителей и простых людей из Адзанга, и закрытой полупрозрачной тканью – закричала Трийти. Старейшины тихо то ли забубнили, то ли запели, но по под куполом жертвенного зала поплыла древняя, простая мелодия, слегка приглушающая крики матери.

Эверетт отдернула плечо от протянутой было, чтобы её успокоить, руки врачевателя и вздрогнула от неприятного чувства. Это третий раз, когда они на глазах девочки убьют новорожденного брата ради работы Машины. Как объяснили будущей хранительнице, только девочка могла наследовать право стать преемницей. А детей мужского пола всегда приносили в жертву Машине, превращая процесс в нечто сакральное: Трийти не только Правительница, дарящая преемницу людям, но еще и спасительница, жертвующая самым дорогим, – сыновьями, – чтобы Машина никогда не остановилась. Женщину осеменяли искусственно, и только врачеватель знал, как с помощью гравимагнитной энергии и гормонов заставить плод развиваться по нужному сценарию, чтобы Хранительница, в итоге, родила мальчика. Так работала Машина, говорили Хранители и мама, но Эверетт-то знала, что не машина уничтожает ее маленьких братьев, и вся эта страшная и отвратительная церемония, когда девочке проведут по лбу рукой, вымоченной в крови убиенного младенца, не более чем «пыль в глаза» как себе, так и людям вне Храма, очередной способ убедить людей, что всё хорошо, что Хранители знают, как Машина работает, а значит и могут ей управлять, а значит... и могут управлять не только Адзангом, но и всей Кайзией. Только люди не видели, что энергия, на которой работают многие заводы и фабрики, самоходный летающий транспорт, местная связь и оружие, не управляема. Никто не знал, как Машина добывает ее из противостояния небесных обломков с Кайзией, и никто не смог бы починить, сломайся вдруг она. Древние инженеры надежно запечатали внутренности, а знания унесли с собой по неведомой причине.

Эверетт снова легким движением плеча избежала настырной руки врачевателя и, не обращая внимания на крики рожавшей матери, посмотрела на Хранителей. В основном дряхлые стрижи да густобородые мужчины с покорными и подобострастными лицами, верящими в священность Трийти. И тут среди них Эверетт увидела мальчика своего возраста, испытывающего похожие чувства. Он явно держался из последних сил и шатался. Старик рядом пытался поддерживать мальчишку под локоть, но это плохо удавалось. Наконец, мальчика вырвало и под осуждающие взоры и шёпот старцев он был отправлен куда-то в дебри лабиринта Храма.

Будущая хранительница оглянулась и, улучшив момент, когда все взоры будут направлены на церемониальную койку матери, тихо выскользнула из круга, образованного старцами.

Некоторое время девочка шла на расстоянии за мелькающими впереди алыми одеждами юного Хранителя, но видя, что мальчику слишком плохо, чтобы оборачиваться, пошла не скрываясь.

Эверетт впервые видела столь юного Хранителя, да и вообще ребенка противоположного пола, и девочке было ужасно любопытно, как он появился в Храме и как живёт, поэтому Эверетт не остановило, что она идет в запретную часть Храма – в общежитие Хранителей. Все равно все старцы находились сейчас на священной церемонии жертвоприношения частицы Трийти Гравитатору.

Эверетт даже глазом не моргнула, проследовав за мальчиком в умывальню, где тот скинул алую тогу и ступил под бьющую снизу вверх струю воды. Девочка, затаив дыхание, рассматривала голого мальчика и с удивлением отмечала различия с собственным телосложением.

Она уже хотела выйти к пареньку, чтобы узнать, откуда он тут взялся, ведь информация о восполнении рядов Хранителей была для Эверетт под запретом, как кто-то довольно грубо схватил девочку за рукав.

– Вам не пристало здесь появляться! – грозно рявкнул врачеватель, отчего не только Эверетт испуганно сжалась, но и мальчишка от неожиданности резко обернулся и присел. – И вы посмели покинуть таинство! Ваша мать очень зла!

– Но я... – испуганно промямлила девочка, показав на прикрывавшего наготу руками мальчишку. – Я всего лишь хотела узнать, кто он...

– О! – врачеватель махнул рукой. – Не беспокойтесь, юная леди. После вашего знакомства его тотчас уничтожат.

– Что?! – ужаснулась Эверетт, а мальчик, услышав это, в страхе охнул. – Но он ни в чем не виноват!

– Это не важно! – врачеватель потащил девочку за собой. – Запрет действует для всех. Вы его нарушили, но вы – будущая хранительница, а значит, понести наказание не можете, если так не решит ваша мать. Остается исключить причину вашего преступного любопытства. То есть мальчишку. Надеюсь, впредь вы не подвергните опасности никого из новеньких?

– Нет! – прошептала Эверетт.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно сказал тащивший девочку за руку врачеватель, – а теперь вам необходимо быть на церемонии...

– Я не хочу, – прошептала Эверетт.

– Дело не в желании, – спокойно ответил врачеватель. – Вы являетесь будущим символом целого мира! А символы не имеют права меняться, как им заблагорассудится. Разве мама вам этого не говорила? Ваша жизнь вам не принадлежит. И ради своего народа, ради сакральности и тайны вокруг Машины, ради неизменности веры в ее работу и исключительную ценность для мира, вы будете делать, что должны, а не что вам хочется. Это понятно?

– Да, – покорно согласилась Эверетт. Врачеватель вновь затащил ее в церемониальный зал, провел через строй Хранителей и подвел к матери, ни на секунду не прекратившей ритуал. Трийти гневно сверкнула глазами и подняла вверх церемониальный полупрозрачный нож, уже обогрившийся кровью.

– Во имя Машины! – экзальтированно крикнула женщина, подняв руки.

– Во имя Машины! – бездумно вторили тысячи глоток Хранителей и горожан.

Трийти наклонилась над кроватью и повернулась к Эверетт. Девочка зажмурилась от предстоящего кошмара. Она попыталась отгородиться от всего вокруг, но, когда влажная ладонь матери легла на лицо, не удержалась и вздрогнула: девочка-то знала, что рука Трийти в крови ее только что рожденного и тут же убитого ради Машины братика.

– Ты – Машина, Машина – это ты! – воскликнула мать, а Эверетт шёпотом повторила:

– Я – Машина, а Машина – это я.

С тех пор время отсчитало еще пять лет, многое поменялось, включая саму принцессу Эверетт и ее взгляд на жизнь.

Небольшую, уютную спальню заливало полуденное солнце. Лучи упирались в западную стену и играли переливами на драгоценных камнях, вкрапленных в сложную узорную лепнину, изображавшую древние сцены давно канувшей в Лету истории. Мириады отраженных лучей играли красками на нежном вьсьминном белье, застилающим двойное ложе кровати – первое классическое, а второе – верхнее, своеобразный потолок, сделанный постелью и застеленный словно зеркальное отражение нижнего – столь же богато и красиво. На верхнем ложе, не беспокоясь о странном поведении гравитации и совершенно не стесняясь солнечного света и шума дня, занимались любовью молодые люди. Они настолько увлеклись страстью и телами друг друга, что не замечали, как с кровати сползло одеяло и медленно дрейфовало вдоль

потолка к узорчатому окну. И слегка приглушенные крики страсти разносились далеко за пределы комнаты, но очевидно терялись в шуме дневного Адзанга. Люди давно привыкли к изменениям гравитации и носили поясные грузы, чтобы не слишком высоко возноситься всякий раз, когда каменные глыбы начинали древний танец, помогающий Машине извлекать энергию почти из воздуха. Впрочем, так и было: абсолютное большинство жителей планеты наделяли гравитацию незаметными магическими свойствами, что ее для них и приравнивало к воздуху.

Юные и мокрые от бури вожделения тела сплелись в последнем неимоверно энергичном акте любви, издали заключительные крайне громкие крики и, наконец, затихли в объятиях друг друга, вновь и вновь переживая и наслаждаясь только что испытанными эмоциями.

– Не возражаешь, если я верну комнатное тяготение? – тихо прошептала девушка на ухо парню. Она мелко вздрагивала от испытанного экстаза, не забывая гладить любимую голую спину и ягодицы.

– Твой дом – твой храм, принцесса, – прошептал в ответ юноша, крепко обнимая и поглаживая любимую в ответ.

Девушка протянула руку к краю кровати и нажала невидимый выступ. И возлюбленные плавно опустились на нижнее ложе: машина изменения гравитации в каждой комнате – привилегия Хранителей, недоступная простым людям. Белоснежная кожа принцессы резко контрастировала с его загорелой и смуглой. А синие глаза девушки сильно отличались от янтарных глаз юноши. Он с тревогой смотрел в их глубокую синеву и не находил страха.

– Мы не слишком обнаглели, Эверетт? – осторожно спросил он.

– Не-а, – хитро улыбнувшись, возразила принцесса и слегка поднялась на локтях. – Это моя жизнь, Калио. И Хранительнице придется с ней считаться, что бы древние обычаи нам ни указывали.

– Ты уверена, что не будет последствий? – Калио явно беспокоили древние традиции. – Мы уже почти не скрываемся. Белым днем! В покоях принцессы! А традиции чётко предписывают...

– Мне плевать, что предписывают эти дурацкие традиции! – оборвала любимого Эверетт. – В конце концов, я будущая королева! Мне осталось последнее кровавое омовение, и всё! И я придумаю, что делать с этими дурацкими законами и традициями. А пока... – принцесса хитро улыбнулась и довольно сказала:

– Нас скоро станет трое, милый Калио!

Юноша вздрогнул под рукой Эверетт, отчего девушка отстранилась от бесконечно любимого Калио. Она ощутила дрожь, возникшую в его теле после слов о беременности. Юноша смотрел в потолок древнего здания и молчал.

– Калио! Любимый! Ты меня пугаешь! – тихонько сказала принцесса. – Скажи что-нибудь.

После бесконечно длинной для Эверетт паузы, длившейся не более минуты, он повернулся и заглянул янтарными глазами в её.

– Что ж, это меняет дело! – слишком серьёзно сказал юноша и потянулся к рукам принцессы ладонями.

– Дело? – переспросила Эверетт, нахмурившись, и отдернула руки. – Какое дело? Объясни, пожалуйста!

– Ох! – воскликнул юноша, вскочил на ноги и принялся ходить туда-обратно гольшом, не зная, куда деть руки. – Это сложно! Это чертовски сложно! – Потом Калио резко повернулся и, рискуя стесать о мраморный пол кожу, упал на колени рядом с девушкой, сидящей на краю кровати.

– Я виноват! Я ужасно виноват перед тобой и... перед... ребенком? Ты не обманываешь? Ведь ты сказала «нас будет трое». Я не ослышался?

Эверетт улыбнулась, а потом легко взяла в свои ладони его.

– Не ослышался! Вчера я тайком от мамы ходила к врачевателю. Он мне разъяснил все эти «знаки». Ну ты понимаешь – мою раздражительность, мою избирательность в еде и тошноту. Так что... Нас будет трое, милый Калио. И мы будем счастливы...

– Ох! – вздохнул юноша. – Я так виноват перед вами! Я так виноват!.. Нам никогда не будет спокойной жизни...

– Ты о предательстве? – спокойно спросила Эверетт и улыбнулась, видя немалое удивление в глазах юноши. – Представь, я знаю. Знала, когда мы с тобой познакомились. И что ты состоишь в секте, и что тебя озадачили знакомством со мной. Ты должен был выведать тайны Гравитатора.

– Но как?! – пораженно воскликнул Калио и попытался отстраниться, но Эверетт крепче сжала ладони и не дала отступить. – Ты все это время знала?!

– Да, – тихо ответила принцесса и скосила взгляд на мраморный пол. – Я давно наблюдала за тобой. Давно попросила жрецов Машины следить за тобой. Обратила на тебя внимание, когда ты с отцом или дядей, не знаю, ходил рядом с Храмом, рассматривая его.

– Но это было десять лет назад! Я тогда только узнал о Машине. И старший брат вводил меня в случившееся давным-давно, на заре времен.

– Вот тогда ты мне и понравился. Хоть и была ночь, но луна светила отлично. И я сама себе указала цель, узнать о тебе больше и непременно познакомиться... – девушка вновь подняла глаза, почувствовав возмущение возлюбленного.

– То есть ты...

– Да-да, – легкомысленно махнула рукой принцесса. – Я следила за тобой! Пойми, я устала жить одна во дворце. Замучилась слушать вечные наставления матери, что да как нельзя, ведь только с возрастом понимаешь, как мало тебе, оказывается, можно. Устала составлять компанию престарелым жрецам в их скучных ритуалах, толку от которых ноль, ведь их существование нужно только для напуска пущей важности и таинственности. Чтобы окутать туманом невежества принцип действия Машины. Она от этих ритуалов не работает...

– А как она работает? – удивился Калио.

– Ах! Ну, да! – воскликнула принцесса, поднимая черные брови. – Я и забыла, что ты здесь ради нее...

– Нет-нет! – воскликнул юноша, вновь вскакивая на ноги. – То есть да! То есть уже нет! Чёрт! Давай я лучше спокойно объясню? – взмолился, наконец, он и вновь упал к ногам возлюбленной. Она улыбнулась и кивнула.

– Только с самого начала. Я слышала, в твоём окружении популярна какая-то древняя легенда? Правда?

– Правда, – кивнул Калио и облизал пересохшие губы. Ему предстояло в очередной раз стать предателем, рассказав о прошлом. Но теперь он этого хотел. – Я все расскажу, милая Эверетт. Не бойся...

– А я и не боюсь, – мило проворковала обнаженная принцесса. Откуда-то из-под складок скинутой одежды она выудила прозрачный нож из небесного кристалла. Калио на секунду потерял дар речи. – Ты не забыл? Я же будущая жрица. А нам положено ритуальное оружие. Забыл? Оно всегда со мной в скрытом подрукавном кармашке. Но оно режет по-настоящему.

– Тебе не стоит бояться меня, – возразил юноша. – Вы с ребенком для меня дороже любого общества! Дороже жизни. Я даже пойду на смерть, только чтобы страшная легенда нашего народа не обрела продолжения...

– Вашего народа? – переспросила принцесса. – Ты о чём?

– Я о своем народе, – мрачно изрек Калио и поднял палец, указывая на скалы, что сдерживал в небесах Гравитатор.

– То есть... – девушка пораженно привстала, всматриваясь в древние обломки небесного тела. – Вы оттуда? Но...

– Легенда, которая передается из уст отцов детям, гласит: больше тысячи лет назад рядом с Кайзией существовала еще одна планета-близнец Сария. В обоих мирах жили люди, и когда планетам стало грозить столкновение, более технически развитые жители Кайзии решили уничтожить антипод своей планеты...

– Но ведь мне мама рассказывала, что эта Машина для того, чтобы...

– Чтобы уничтожить Сарию, а на обломках планеты – паразитировать. Добывать энергию от притяжения планет друг к другу, – тихо продолжил Калио. – Однажды ваши правители решили, что Кайзия важнее, а Сарии придется кануть в небытие.

– Это ужасно! – прошептала Эверетт. – Поэтому не может быть правдой!

– Так ли, милая?

Принцесса молчала, разглядывая останки Сарии, потом тихо заговорила.

– Да. Мне еще в детстве показалось подозрительным, что тысячу лет назад, когда запустили Машину, появились люди, которые считали её злом и хотели уничтожить. Ведь Гравитатор не зло, он всегда защищал нас от падения... Сарии... и давал столь необходимую энергию. Но такой ценой? Не верится...

– Ваш народ предлагал нашему переселение, если легенды не врут, но злость и обида одержали верх. Началась война, во время которой кайзийцы запустили Машину. Сария была уничтожена, а горстка спасшихся беженцев поклялась отомстить и уничтожить Храм. Сначала действовали открыто, напоминая террористов. Потом, когда все попытки провалились, сарийцы затаились, правильно считая, что время сотрет их из памяти. Мы оказались заложниками, рабами простого желания жить. И только теперь я могу понять... Ведь победы тогда Сария, то уничтожена была бы ваша планета. И всего этого... Ну... Того, что мой народ прячется целое тысячелетие и вынашивает желание отомстить, могло бы и не быть. Всего лишь надо было послушаться голоса разума и принять предложение правителей Кайзии. Но война оказалась заманчивей и желаннее, и потомки стали заложниками сложного и неправильного выбора пращуров. Возможно, вашим предкам не оставалось ничего другого, как уничтожить нашу планету. Либо вы, либо мы. Без естественных врагов кайзийцы лишились других технологий. Забыли их. И лишь Машина благодаря создателям все еще работает.

– Но, Калио! – воскликнула девушка, обхватывая любимого руками и заключая в крепких объятиях. – Это же неправильно! Столько жертв! Целая планета разорвана на куски! Миллионы загубленных судеб и еще больше погибших! Как вообще наши пращуры могли жить после всего случившегося? Как смотрели на небо, на камни... нет, на разорванные ошметки некогда обитаемой планеты... и радовались, что эти могильники, эти небесные памятники убитым дают энергию, с помощью которой мы живем и процветаем?

– Знаешь, Эверетт, – тихо сказал Калио, уткнувшись в теплые груди возлюбленной. – Мы все рабы жизни. Ради своей мы готовы пожертвовать чужой. Разве не так? – юноша отстранился и заглянул в голубые глаза Эверетт. – И полюбив тебя, а потом узнав, что стану отцом, я готов поменять старые убеждения на обратные. Я уже не хочу помогать своему народу в слепом мщении. Я не хочу, чтобы и ваша планета разрушилась, а народ сгинул. Ведь эта планета и моя тоже, а на ней будет жить мой ребенок. Тысячелетняя месть стала бессмысленной. Для меня точно.

– Это страшно, – в унисон юноше прошептала Эверетт, растворяясь в янтаре его глаз. – Но это должны помнить, чтобы нечто подобное никогда не повторилось. Как стану Хранительницей, разрешу открыть миру правду.

– Это сложно. И, наверное, невозможно. – Калио помотал головой. – Кайзийцы будут все отрицать, ведь кто хочет прослыть убийцей? А сарийцы лишь яростнее набросятся на врагов, вернувшихся из прошлого. Может поэтому Хранительница умалчивает о древней катастрофе? Может...

– Нет! – оборвала юношу Эверетт и встала, отстранив Калию. Она накинула легкую полу-прозрачную тунику и подошла к окну. – Мне с давних пор не нравятся запреты и традиции. Мать словно строгий учитель ничего не разрешает. Ни выходить из дворца, ни знакомиться с другими девушками и юношами, ни побегать по дрейфующим в небе доскам, когда тысячи вас уже бегали. А я всегда мечтала это сделать! – Она обернулась и указала на ближайший ряд связанных между собой веревками досок. – Ты когда-нибудь пробовал?

– Конечно! – с легкой улыбкой кивнул Калию. – Это просто. Надо только поймать ритм их дрейфа. И ритм инерции, когда отталкиваешься ногами.

– Научишь?

– Но разве мама разрешит?

– Вот опять! – недовольно воскликнула принцесса и отвернулась к окну, всматриваясь в останки чужой планеты. – Над моей жизнью довлеют сплошные запреты! И кажется, что стану Хранительницей, а они никуда не денутся и будут связывать меня по рукам и ногам. Они будут мешать мне жить! И что самое страшное... Эти запреты вряд ли разрешат мне быть с тобой!

– Мы ведь что-нибудь придумаем? – с надеждой спросил Калию из-за спины, и девушка почувствовала тепло прижавшегося тела и заключившие в объятия нежные руки.

– Знаешь, – проворковала Эверетт, наслаждаясь. – Я очень часто и подолгу смотрела на обломки разрушенной планеты. Ведь там, похоже, есть и древние развалины. Если присмотреться, то некоторые видно и отсюда. Атмосфера нашей планеты общая с ними. Вода два раза в стуки перетекает на скалы и обратно. Там есть растительность. И вроде Сария хоть и расколота на множество кусков, но не умерла. И люди могли бы иногда добираться туда, прыгая по доскам. Так ведь?

– Ну да, – нехотя сказал Калию. – Бывали случаи. Иногда некоторые охотники за древними артефактами приносят отсюда что-нибудь интересное. Но это очень и очень редко, и многие не вернулись. Упали, видимо, и расшиблись.

– А если нет? – горячо заговорила Эверетт. – А если не расшиблись? А если благополучно добрались до поверхности и живут там сейчас, и не знают горя?

– Ты серьезно? – переспросил Калию.

– Да. Я бы хотела туда сбежать и вместе с тобой жить одинокой, но тихой жизнью, и растить нашего ребенка вдали от всех этих запретов и правил. Но...

– Но этого никогда не будет! – раздался позади гневный женский голос, и возлюбленные резко обернулись.

– Трийти! – в ужасе выдохнула Эверетт, судорожно сжимая руку пытающегося спрятаться за девушкой и прикрыть наготу Калию. – Что ты здесь делаешь?! Разве не положено Хранительнице извещать преемницу о визите? Разве...

– Эверетт! – Оборвала ее Трийти. – Тебе не кажется, что ты много на себя берешь?

– Ничуть! – с вызовом в голосе воскликнула Эверетт, закрывая собой Калию. – Ты не можешь вот так, без спроса, врваться в мои покои!

– Увы, могу! – Трийти стояла у входа прямая, словно в ее спину всадили металлический штырь, и надменная. Предвещающие словесную бурю морщинки собрались на лбу, а в глазах уже искрились молнии. И Эверетт чувствовала, что мать готова их метать. Лишь слегка округлившийся живот напоминал, что через несколько месяцев грядет ужасный ритуал... – Я могу зайти к тебе в любое время как твоя мать! И, как видишь, я воспользовалась своим правом, и очень вовремя, кстати! – Женщина красноречиво подняла ладони в сторону молодых.

– И?! – Эверетт гневно вскрикнула. – Ты не можешь запретить мне любить! Мне через два месяца семнадцать!

– Я все еще остаюсь твоей матерью! А еще я – Хранительница! И это наделяет меня особыми полномочиями в отношении тебя! В отношении будущей Хранительницы, которая, увы, не показала присущих настоящим принцессам моральных качеств!

– Что это ты имеешь в виду?! – возмутилась дочь.

– Ты прекрасно знаешь, что имею в виду! – холодно парировала Трийти. – Я тебе очень подробно все объясняла, жаль только, что ты не все услышала, или делаешь вид, что не услышала!

– Напомните, Хранительница. – Эверетт дерзко и с вызовом задрала голову, переходя на официальный язык. – Вы столь часто и много говорите о традициях и обязанностях, что я совсем запуталась, что положено, а что нет.

Трийти слегка улыбнулась. Наглости Эверетт не занимать! Гены целого поколения хранительниц прямо чувствуются в ее твердом характере. Поэтому мать не стала испытывать судьбу и прежде, чем начать, щелкнула пальцами, отчего в комнату вошли шестеро мужчин-хранителей. Все старые и сухие, в алых мантиях, но гравитационные посохи в руках делали их грозными противниками. Видя нескрываемый ужас в глазах дочери, Трийти улыбнулась шире и скомандовала:

– Взять этого мальчишку и упрятать в Башню!

– Нет! – закричала Эверетт и встала на пути агрессоров.

– Хранители, разрешаю с ней не церемониться, только не повредите, она ведь наследница!

Один из старцев слегка взмахнул посохом, и сила притяжения перестала влиять на Эверетт. Легкий толчок идущей от технологичной палки невидимой силы, тоже основанной на гравитации, откинул девушку под потолок. Она стукнулась спиной о камень и, оглушенная, плавно опустилась на пол, наблюдая, как ее любимому закручивают за спиной руки, а потом выводят из комнаты.

– Я тебя люблю, – прошептал он одними губами.

– Нет! – воскликнула Эверетт, преодолевая боль и поднимаясь. Она попыталась броситься за старцами, что увели Калию, но мать преградила путь. – Ты!

– Я! – кивнула Трийти. – И еще сто раз Я! Больше некому вернуть тебя на путь истинный. И как я была слепа все это время? Как проморгала тебя и этого... этого...

– Я давно знала, что ты меня ненавидишь! – по лицу принцессы текли слезы. – Ты мой самый ярый враг! Ты тиран, а я – рабыня, не смеющая ступить и шагу в сторону от указанного тобой пути! Я давно это поняла, поэтому и провернула всё тайком. Я хочу быть свободной! – Эверетт подняла руки и помахала ими, словно крыльями.

– Эверетт, – уже спокойней сказала мать и попыталась притянуть дочь, но та отпрянула. – Включи голову! Ты принцесса! Ты будущая Хранительница! Ты будешь властвовать над этим миром! Ты будешь править! Жить в Храме! Есть и пить отборное, носить самое лучшее белье! Ты на вершине мира! Надо только блюсти традиции.

– Знаешь, мам, – принцесса презрительно скривила губы, – для кого-то и вершина мира будет клеткой. Твои традиции – смерть для меня! Я же хочу свободы! Я хочу жить как люди внизу! Я...

– Поэтому ты выбрала этого... сарийца в любовники? – При слове «сариец» Хранительница не смогла сдержать отвращение. Её лицо исказилось в неприятное выражение. – Ты в своем уме?

– Я ли в своем уме? – Эверетт была поражена до глубины души. – Я ли? Да это вы тут все свихнулись! Уничтожили целую планету и радуетесь! И я думала, кто же виноват в этом геноциде? Может, сарицы, а не мы? Может, это они подстегнули своим упрямством власти Кайзии? Но теперь вижу кто начал! Ты даже скрыть не можешь ненависть к его расе! Все началось из-за нас, правда? Мы просто не смогли стерпеть, что они существуют на свете. Так ведь?

– Не говори ерунды! – взорвалась до этого спокойная Трийти. – Ты прекрасно знаешь, почему не можешь с ним быть! Хранительница – может забеременеть только непорочным путем, а семя избирательно дает самый достойный из жрецов. И рождает, пока не появится

девочка – будущая наследница, а мальчиков приносят в жертву Храму. Так рожала я, так рожала твоя бабушка и все остальные поколения предков. Именно поэтому ваш союз невозможен! Храму нужны правильные Хранительницы. И мы проследим, чтобы так и осталось впредь.

– Но я уже беременна! – вскричала в отчаянии Эверетт. – И беременна от Калио! Я никогда его не брошу!

– Именно поэтому, – ледяным голосом сказала Трийти, – мы тебе поможем. Он умрет утром в Башне, а ты... Мы избавим тебя от этого зародыша позора. Мы поможем твоему телу извергнуть греховный плод, зачатый в безумной и слепой вере в любовь, знаменуемой бездумной похотью столь разных никак не подходящих друг другу рас.

– Что? – прошептала Эверетт, не веря своим ушам. – Вы не сможете! Вы не посмеете!

– И сможем! И посмеем! – жестоко отрезала Хранительница и вновь щёлкнула пальцами, после чего в комнату вошли ещё четыре старца. Они схватили Эверетт под руки и поволокли упирающуюся девушку на операцию.

– Если надо, я рожу и воспитаю новую дочь, – очень тихо, но так, чтобы услышала Эверетт, добавила Трийти. – Но традиции Кайзии и Хранители Машины будут процветать для будущего нашей планеты... Я не позволю исчезнуть той крупнице технологий, что досталась нам от предков!

– Нет, мама! Нет! – истошно кричала Эверетт и, упираясь, пыталась воззвать к хранительнице как к матери. – Не делай этого! Мы не заслужили! Отпусти нас! Оставь нас в покое!

Хранительница лишь повернулась к кровати и с отвращением посмотрела на оставленную Калио одежду.

– Как же противны эти мужчины и, в особенности, эти варвары с Сарии! Как моя девочка могла лечь в одно ложе с этим пришельцем? Мерзость...

Время порой ускоряет свой бег, но не для того, чтобы быстрее миновать неудобные события, а чтобы скорее разрешить кризис...

Эверетт слишком долго барахталась среди тысяч тёмных бессознательных образов. Старые страхи и переживания маленькой девочки, скопившиеся в одном месте, мешали карабкаться вверх, к яркому и пульсирующему ужасу, огромной амебой растекшемся над внутренним пространством принцессы. Она же чувствовала, что это гигантское, почти живое нечто – что-то очень важное, и чем быстрее добраться до яркого пятна, тем лучше, но не могла. Старые заботы не пускали. Слишком долго липли к рукам и ногам. Эверетт увязала все больше, а меж тем, нечто важное сжималось в одну точку, будто готовясь к взрыву. Еще чуть-чуть, и таинственная энергия соберется, а потом случится выброс, и...

И способность двигаться и мыслить стала вновь доступна девушке. С диким криком от боли в животе она села на столе, где до этого лежала. Испуганное внезапным пробуждением лицо Хранителя-врачевателя перед пытающимися сфокусироваться глазами. Они лишь отметили, что его руки по локоть в крови, а по столу между голых ляжек Эверетт размазано красным...

Ее кровь? Или?..

Неужели...

Девушку затрясло от невыразимой ярости. Они посмели уничтожить жизнь, что недавно поселилась внутри! Она дико закричала прямо в лицо остолбеневшему врачу, который поднял руки, чтобы успокоить принцессу, но она нащупала ритуальный кинжал, о котором забыла в пылу неравной схватки, и ткнула в лицо старику.

Это он раскрыл Хранительнице тайну о беременности Эверетт! Больше никому!

Врачеватель с воплем отшатнулся, стараясь удержать рану, стремительно раскрывающуюся, словно новая зловещая улыбка от правой щеки до левой части лба. Но вопреки усилиям старца, она никак не желала стягиваться и быстро-быстро наполнилась кровью. Мужчина судорожно

рожно замотал головой, будто это не он только что убил и достал мертвого ребенка из Эверетт, а потом бросился к столу с инструментами, собираясь, наверное, залепить хоть чем-то страшную рану на лице.

Принцесса усилием тела стащила себя с кровавого ложа и, шатаясь от слабости, последовала за врачом. Шокированный Хранитель и не подумал, что принцесса станет преследовать, а когда обернулся на шаги, было поздно. Эверетт яростно искромсала дряхлую стариковскую плоть прозрачным кинжалом. Он приобрел алый цвет и для принцессы стал жертвенным. Теперь алтарь памяти должен окропляться вновь и вновь, пока все виновные в смерти ее ребенка не будут наказаны...

Но Эверетт вдруг выронила кинжал. Он со звоном упал на каменный пол и заскользил, оставляя кровавый след.

– Калио! Бедный Калио! – прошептала девушка и рванулась к выходу. У нее еще оставался шанс спасти любимого человека. По пути девушка прихватила гравитационный посох Хранителя – она чувствовала, что оружие пригодится, да и желание страшной мести еще никуда не ушло. Оно пульсировало болью внизу живота, где когда-то жил ее ребенок. И он требовал крови!

Первого встреченного Хранителя посох откинул на стену. Кровавое пятно известило, что старик мертв. Эверетт удовлетворенно перешагнула через алую мантию, в которой запуталось тело, и побежала вверх по пологому и загнутому спиралевидному коридору. Где-то там наверху, в башне Гравитатора, из которой вырывались невидимые гравимагнитные волны, удерживающие останки Сарии в непосредственной близости от Кайзии, ее ждал любимый Калио. Его собирались казнить на рассвете, а этого Эверетт допустить не могла.

Она мчалась вперед со всей возможной скоростью, какую позволял зеленоватый свет прятанной за останками древней планеты луны. Иногда заспанный и ничего не понимающий Хранитель выходил из тени, а вооруженная и злая Эверетт без ложного сожаления отправляла его вослед убитому ребенку.

– Принцесса? – лишь успел удивленно спросить очередной жрец у двери в камеру Калио, когда был сметен невидимой силой и выкинут словно тряпичная кукла в высокое аркообразное окно. Но там он не упал, а медленно вознесся кверху – настало время ночного гравитационного прилива. Следом медленно поднимались привязанные где-то далеко внизу доски и камни, образуя шаткие небесные мосты, по которым Эверетт всегда мечтала побегать, наблюдая как дети и подростки раз за разом соревнуются то ли в глупости, то ли в ловкости и удали.

– Любимая? – изумленно воскликнул Калио, когда дверь и часть стены рассыпалась пылью в воздухе: принцесса не знала принцип действия гравитационного посоха, но пользоваться давно научилась. Просто в отсутствии атомарных связей дверь рассыпалась в пыль. – Но как?

– Не важно! – в чувствах воскликнула Эверетт, бросаясь в объятия любимого и зарываясь хлюпающим носом в его родное плечо. – Давай сбежим? Прямо сейчас! Прямо на разрушенную Сарию! Прямо... прямо... по колышущимся мосткам!

– Но это очень опасно! Особенно тебе, ведь ты никогда не делала этого раньше, – с жаром ответил Калио и отодвинул любимую, с тревогой всматриваясь в заплаканное лицо, а потом он увидел темные пятна на ее белоснежном полупрозрачном наряде и пораженно воскликнул: – Что они с тобой сделали?

– Они... они... – девушка не смогла найти слова и разрыдалась: – Они убили нашего ребенка!

– Эверетт! – Калио обнял трясущуюся принцессу, чтобы поддержать, но она все никак не успокаивалась.

– Уйдем! Слышишь? Давай сбежим отсюда! Пока не поздно! Давай сбежим!

– Любимая! – юноша вновь отодвинул девушку. В его янтарных глазах отражалась луна, только что выглянувшая из-за самой огромной глыбы. – Давай! Давай сбежим! Прямо сейчас. Не стоит медлить – пока гравиприлив еще действует.

– Правда? Мы сбежим? – продолжая всхлипывать, переспросила Эверетт.

– Да! Да! – воодушевленно воскликнул Калио, чувствуя, что возлюбленная немного отвлеклась от трагедии, а потому потянул принцессу на выход, где сквозь высокое арочное окно пробивался призрачный зеленоватый свет луны. – Мы тотчас, немедля, сбежим. Навсегда! И нас никто и никогда не найдет! А в память об убитом ребеночке мы родим еще многих! Ты ведь хочешь этого?

– Конечно! – Надежда возвращалась в отражающие зеленую луну голубые глаза Эверетт. – Очень и очень хочу! Ты не представляешь себе, как я этого хочу...

– Представляю! – горячо возразил Калио. Он почти вышел из дыры на месте двери, когда за его спиной возник чужой силуэт. Принцесса едва успела вскрикнуть, а силуэт уже тыкал возлюбленного острым, сверкающим алым клинком.

– Мама! – только и прошептала Эверетт, падая на колени рядом с телом умирающего юноши.

– Я вот тоже не представляю, – заговорила Трийти хлесткими холодными словами, выкидывая нож Эверетт в сторону, – как ты умудрилась так пасть?! Мало того, что унизила себя, возлежав с этим грязным сарийцем, так еще и оскорбила честь всех великих Хранительниц прошлого. Ты оскорбила меня! Поэтому все будет просто: либо ты возвращаешься к правильному образу жизни, либо я уничтожу тебя! И никто не остановит меня, ведь это мое право, как матери! И я им воспользуюсь! Слышишь?

Но слова очень медленно проникали в опустевший мозг Эверетт, словно она уже вознеслась куда-то далеко вместе с ребенком и Калио. Словно она уже спаслась, покинув сей мир, и пребывала в одном шаге от нормальной тихой жизни. Пальцы плавно скользили по гладкой и темной коже Калио, а тот уже невидящими янтарными глазами уставился в пустоту, судорожно пытаясь дышать, но короткие резкие вздохи не могли наполнить проткнутые легкие воздухом, и через мгновение, показавшееся девушке вечностью, он затих.

– Ты меня слышишь, Эверетт? Я жду ответа. Желаете жить или умереть?

– Желая убить! – яростно вскричала принцесса и направила посох на Хранительницу, с удовольствием отмечая в выражении ее лица страх. От удара гравитационного оружия мать тут же отлетела за окно и, кувыркаясь, попыталась выровняться, но не слишком преуспела. А принцесса вне себя от абсолютной ярости, вскричала, и ее вопль разнёсся над ночным городом, словно набат.

– Я желаю убить! Слышишь?! Я уничтожу твой мир! И я помню как. Надо всего лишь отключить Гравитатор!

– Нет! – вскричала Трийти и забарахталась в воздухе с удвоенной силой. – Нет! Ты не посмеешь!

Но принцессы уже и след простыл. Хранительница ощутила невероятную беспомощность. Именно с такой беспомощностью, наверное, Эверетт наблюдала за смертью ребенка и возлюбленного. И Трийти теперь по-настоящему испугалась. В таком состоянии ее нельзя допускать до Машины. И тут Хранительница дотянулась до парящей в воздухе доски. Подтянулась, перепрыгнула на другую, третью, потом в окно на пол Башни Гравитатора. Женщина улыбнулась, подобрала жертвенный клинок, которым убила Калио, и побежала вниз. Она не допустит нового сумасшествия Эверетт. Она ее прикончит!

В основании Храма высокая дверь в три или четыре человеческих роста вела в зал Гравитации. Именно здесь регулировалось гравимагнитное поле, не позволяющее обломкам Сарии упасть на Кайзию. Именно из этого противостояния массивных тел Машина добывала энер-

гию, которую использовали люди. И именно она послужила раздором жителям двух соседних планет.

«Здесь когда-то всё началось, – подумала Эверетт, посмотрев вверх, где машина растворялась в полутьме, – здесь и закончится.»

Принцесса подошла к пульту управления, вспоминая мамины уроки десятилетней давности. Ей даже не надо было напрягать память, чтобы самая запретная фраза всплыла в голове. Тогда Трийти сказала:

– Никогда! Слышишь? Никогда не трогай этот рычаг! Он отключает Машину. А если она не будет работать...

– Обломки Сарии рухнут на нашу планету... – прошептала Эверетт и с огромным удовольствием опустила рычаг. Несколько долгих секунд она стояла напротив пульта, с мстительным удовлетворением смакуя убийственный размах своего деяния. Потом нажала комбинацию из еще нескольких кнопок и пошла к самому высокому арочному окну в Храме. Осталось только ждать.

Чуть-чуть.

Скоро.

Очень скоро эта планета, этот город и умиротворённые спокойным сном люди перестанут существовать, как и сама Эверетт, но принцессе это совсем не трогало. Чувства, что душили девушку, справились со своей задачей: она их целиком подавила, сжала в один черный копошащийся клубок и затолкала поглубже в живот – там как раз только что освободилось место. Этот мир лишил её ребенка и будущего мужа, и Эверетт в долгу не останется! Нет! Нет! И нет...

Рассматривая огромные глыбы древней планеты, что плавно парили над Адзангом, разрезая зеленоватый лунный свет чернильными тенями, принцесса слышала, как вошла Трийти. Она спиной ощущала каждое её движение и с закрытыми глазами могла понять, что ей движет и что она будет делать.

Хранительница же первым делом взглянула на рычаг «Смерти» и, облегчённо вздохнув, вернула его в прежнее положение, потом широко улыбнулась и направилась к дочери.

– Знаешь, Эверетт... – В тоне Хранительницы слышались издевательские нотки. Она была явно довольна увиденным. Но девушке уже все равно, что она скажет. Этот мир исчез для неё навсегда вместе с любимыми. А матушку к таковым она никогда не причисляла. Слишком многое пришлось вытерпеть принцессе от Трийти во время взросления и подготовки к жизни Хранительницы. – Неужели ты думала, что я позволю тебе уничтожить наш мир? Неужели думала, что это будет так просто? Или не думала вовсе, забив свою голову глупостями вроде любви к этому варвару-сарийцу? Видимо, нет, раз мир все ещё жив, не так ли?

Хранительница подошла к дочери и встала рядом, посмотрев на город. Алый ритуальный кинжал в её руке слегка подкрашивался зелёным, как и лица женщин.

– Этот мир будет жить несмотря на твою глупость, несмотря на мстительность сарийцев, и ему все равно, сколько людей помрёт. Он должен существовать и будет, несмотря на все эти глупости...

– Но ради чего? – тихо спросила Эверетт.

– Ради жизни, – резко бросила мать. – Ради жизни и кайзицев, которые мирно спят в домах и не подозревают, что судьба их мира в руках глупенькой девчонки, ставшей рабыней своих чувств...

– Нет, Трийти! Это ты рабыня! Рабыня традиций и образа жизни, которого тебе навязали! А я так жить не хочу! Никогда не хотела... А теперь... теперь я уничтожу этот ненавистный мир.

– Не получится! – возразила Трийти. – Или ты не заметила, что ничего не произошло, когда ты опустила «рычаг смерти»? Так вот – это ловушка для дураков. Он никогда не останавливал Гравитатор, создатели этого просто не предусмотрели.

– Я знаю, мам, – Эверетт спокойно посмотрела на удивленную мать и улыбнулась. – Я никогда не думала, что этот рычаг способен уничтожить Машину. Но он сыграл свою роль. Ты купилась, подумав, что я его трогала. А потом я просто запустила Гравитатор на полную мощность. Как думаешь, надолго его хватит?

Трийти обеспокоенно обернулась на пульт управления и заметила бешено мигающие индикаторы.

– Что ты наделала? – шокировано прошептала она.

– Ничего, – пожала плечами спокойная принцесса. – Я освободила себя от чужой жизни. Я более не ее заложница. Заодно освободила и тебя, и весь остальной народ, живущий на останках мира и за счет останков другого народа... Этот мир неправильный сверху и донизу. Он должен был умереть тысячу лет назад, но наши предки вывернулись и выжили, и кладбище над головой будет всегда напоминать нам о позоре и геноциде, что мы совершили...

Трийти в ярости прыгнула на дочь, пытаясь нанести смертельный удар алым кинжалом, но Машина вдруг изменила тональность. Внутри Гравитатора что-то взорвалось, и женщины подлетели к потолку: искусственная гравитация, действующая в Храме, исчезла. Сколько Трийти ни барахталась, но так и не смогла достать до безмятежно парящей Эверетт. А потом они рухнули на мраморный пол...

– Я – Машина, – горько закричала в последний момент Эверетт, – а Машина – это я!

Гравиприлив прекратился. За окном огромные глыбы продолжили прерванное тысячелетие назад движение и рухнули на безмятежный Адзанг и Кайзию, уничтожая планету-антипод. Мир вздрогнул и раскололся в клубах взметнувшейся вверх пыли и криках агонии миллионов людей. Пыль заволокла солнце, впервые окрасив его в алый цвет. Цвет крови, одинаковый для обоих народов.

Так оба мира погибли в объятиях друг друга. А принцесса Эверетт, хочется верить, встретилась с любимым Калио и не родившимся ребенком.

Тайный древний

Можно ли пересечь горизонт событий черной дыры и остаться в живых? Несколько очень серьезных околонуучных изданий спорят между собой. Например, «Галактик Таймс», а точнее, вездесущий журналист Арик Охламов считает, что чёрная дыра подобна матрешке и заключает внутри другую Вселенную, созданную из затянутой материи. В той Вселенной, конечно, есть другие черные дыры, где рождаются и умирают свои Вселенные, и так до бесконечности... Нюанс этой теории в том, что материя, как и любой другой предмет или существо, может попасть в «потустороннюю» Вселенную, а вот вернуться – вряд ли. Черная дыра в обратную сторону не работает.

Другой специальный корреспондент из «Универсал Съенс» утверждает, что черную дыру можно считать сферой, где действует парадокс Шредингера, и что бы там ни было, оно может одновременно существовать и нет. Конечно, попавшему за горизонт событий человеку это мало чем поможет, ведь чудовищная гравитация растянет его невероятную боль почти на целую вечность, превратив гипотетического человека в некое подобие «спагетти»¹... Вот только все эти расчеты и выводы мало касаются реального человека, ведь организм одного вряд ли выдержит этот жуткий эксперимент и пресловутую спагеттификацию.

Но к горизонту событий, обусловленному радиусом Шварцшильда, никто и не собирался приближаться и пересекать самую внутреннюю устойчивую круговую орбиту². Нашли дураков. Черная дыра, по мнению того же Арика Охламова, очень красива на расстоянии, и чем больше дистанция, тем безопаснее. Многим достаточно посмотреть на огненный линзирующий эффект от искажения света аккреционным диском и на странице «Галактик Таймс», где трехмерную модель черной дыры транслируют круглосуточно.

А пока совершенно далекие от черных дыр люди спорят о возможности переноситься с их помощью в другие вселенные, будучи при этом живыми благодаря парадоксу квантового бессмертия³, несколько десятков небольших космических кораблей устраивают несанкционированную правительством туманности Красного паука и окружающих звездных систем гонку среди развалин древнего города и обломков сферы Дайсона вокруг одной массивной и одинокой черной дыры.

– Чёрт! – пробормотал Гирос, когда его корабль – «Звездный миг» – задел одно из дрейфующих в космосе зданий. Оно рассыпалось на мелкие осколки, ведь встреча с кораблем, летящим на огромной скорости, подобна встрече с астероидом. Конечно, защитное поле спасло корабль, вот только его замотало в пространстве, и скорость резко упала, из-за чего Гироса Ветустуса обогнал Кортазан Флит – фаворит гонки. Его «Галактическая Виктория» сделала головокружительный вираж над кораблем Гироса, отчего болиды на миллисекунду оказались повернуты фонарями друг к другу. Мужчина различил миниатюрную фигурку дастанца – уроженца Дастана, звездной системы Тау Лебеда. Этот «крокодил» – так за глаза называли расу рептилиеподобных существ – тот еще ублюдок.

– Нет! Нет! Нет! Нет! – воскликнул Гирос. Ему показалось, что за зеркальным забралом шлема противника он различил надменную ухмылку. И Ветустус включил форсаж, чтобы

¹ Спагеттификация – астрофизический термин для обозначения сильного растяжения объектов по вертикали и горизонтали, вызванного большой приливной силой в очень сильном неоднородном гравитационном поле.

² ISCO – это наименьшая минимально стабильная круговая орбита, на которой пробная частица может стабильно вращаться вокруг массивного объекта.

³ Квантовое бессмертие – мысленный эксперимент, вытекающий из мысленного эксперимента с квантовым самоубийством и утверждающий, что, согласно многомировой интерпретации квантовой механики, существа, имеющие способность к самознанию, бессмертны.

вновь разогнать корабль и догнать Кортазана, который только наращивал отрыв, ловко лавируя между отдельных зданий, преграждающих путь внутри «улицы» Зондама – древнего, заброшенного и разрушенного города, несущегося в вакууме космоса. Жители покинули город тысячелетия назад, когда черная дыра, расположенная в опасной близости и из аккреционного диска которой эрги когда-то добывали энергию, начала затягивать Зондам, постепенно разрушая. Никакой энергии не хватило бы, чтобы избежать притяжения черной дыры, поэтому эрги и ушли, а город последнюю тысячу лет всасывался гравитационной аномалией по вытянутой спиралевидной орбите в прожорливое нутро, спрятанное за окаймленным раскалённым газом оком непреодолимой для света гравитации.

Ускорение вжало Гиросу в противоперегрузочное кресло, а системы корабля и сопряженный с ним мозг человека усиленно заработали, пытаясь рассчитать оптимальный курс в коридоре из постоянно перемещающихся, словно молекулы при броуновском движении, зданий и строений древнего города. Времени на это было катастрофически мало, и только симбиоз электронного мозга корабля и человеческого разума справился с постоянным потоком изменяющихся данных. Кроме того, в нарушение правил, преследователи стали стрелять, и пространство вокруг озарилось вспышками распадающихся на раскаленные атомы строений.

– Хрен вам! – рявкнул Гирос и, не раздумывая, сбросил кварковую бомбу. Две секунды спустя компьютер сообщил, что огненный шар тихо поглотил позади все кувыркающиеся в вакууме строения и, конечно, гонщиков-нарушителей. Ветустус понимал, что за этим скорее всего последуют штрафные санкции от организаторов, но выхода не было. Риск смерти оказался во сто крат выше, чем риск задолжать кредиты за нарушение правил нелегальных гонок. Впрочем, эти правила нарушали все и всегда, и Гирос в этом вопросе не был одинок. А организаторы потом выбирали, к кому придраться, согласно своему никому более не понятному внутреннему голосу.

Взрыв «слегка» подтолкнул «Звёздный миг», и корабль, чудом избежав столкновения с неуправляемыми зданиями, прибавил в скорости, а потом и вовсе вылетел за пределы растянувшихся на миллионы километров и дрейфующих во тьме развалин грандиозного города. Тьма окрасилась алым светом аккреционного диска, а Ветустус направил корабль вдоль «улицы», за «Галактической Викторией» Кортазана. Сейчас тот, наверное, ухмылялся во все сто двадцать шесть зубов, ведь Гирос взрывом избавил дастанца от соперников. Мужчина поджал губы и хмыкнул: «Звёздный миг» слегка сблизился с кораблем противника!

Шёл заключительный этап космической гонки, и пилотам кораблей оставалось потягаться силой с черной дырой, пролететь по касательной к аккреционному диску, за счет чего набрать ускорение и улететь прочь от жуткого притяжения. Для наблюдателей за гонкой должны пройти десятки лет, а гонщикам понадобится всего несколько часов – эффект замедления времени вблизи сверхмассивных космических объектов.

То есть если Кортазан Флит начнет маневр раньше Гироса, то раньше и закончит, и допустить подобное Ветустус не мог, иначе проиграет. Мужчина сжал губы и запустил маневровые двигатели. «Звездный миг» поравнялся с «Галактической Викторией» и «подрезал». Корабль Флита вильнул в сторону и начал маневр ускорения, следуя рассчитанному ранее вектору. Вот только на пару сотен метров ближе к черной дыре. А это значило лишь одно: Кортазан проиграл, ведь чем ближе к чёрной дыре, тем сильнее замедляется для него время.

Гирос довольно проводил взглядом вильнувший корабль противника и активировал максимально возможный уровень антиперегрузки кресла. Оно вытянулось под человеком, накрылось защитным стеклом и стало быстро наполняться жидкостью.

Флит не сможет вернуть корабль на прежний курс, ведь автопилот уже включен, и слишком опасный маневр, не требующий вмешательства человека, начат. И дастанец слишком хорошо это понимал, поэтому в переговорных наушниках Гироса раздался вопль полный ненависти.

– Будь ты проклят, Ветустус, и весь твой род до двадцатого колена!

Гирос не был конченным ублюдком и поэтому послал противнику смайлик и видеопрезентацию о видах и свойствах сверхмассивных объектов, чтобы у Флита была возможность отвлечься от черной дыры за бортом. А потом Ветустус счастливо провалился во тьму бессознательности, с которой легче переносятся продолжительные титанические перегрузки.

Пауки...

Кто-то скажет «фи!», или «фу!», и будет абсолютно неправ. Еще со времен древней Земли, откуда, как утверждает «Галактическая энциклопедия видов», произошли люди, пауки несли в природе очень полезную функцию. Они регулировали численность насекомых вредителей, мелких грызунов, а иногда и более крупных животных. То есть земная флора и фауна в огромном долгу перед пауками. Особенно человек! Известна легенда, или миф, что паук однажды помог очень важному человеку, возможно, царю, спастись от преследования. Этот человек спрятался в пещере, а паук оплел вход паутиной, и когда враги проходили мимо пещеры, то решили, что пещера нетронута, ибо паутина цела.

Возможно, в честь этого великого события и была названа потом туманность Красного Паука, которая, если смотреть с давно несуществующей Земли, была очень похожа на раскинувшего свои сети в космосе членистоногого. Если перенестись поближе, то станет понятно: туманность больше напоминает цветок, в центре которого находится очень горячий белый карлик. Раскаленная до бела звезда испускает мощный звездный ветер со скоростью свыше трехсот километров в секунду, отчего газовое облако покрыто постоянной рябью. Сама звезда нагрета до пятисот тысяч градусов Кельвина, что и делает ее бесценной для существ, способных соорудить сферу Дайсона. Из белого карлика со столь высокой температурой можно получить ничуть не меньше энергии, чем от гравитационной сингулярности.

И, конечно, черная дыра, рядом с которой проходили несанкционированные соревнования, лежала в сфере деятельности этих существ. И эрги очень не любили вмешательства в жизнь планет под своей юрисдикцией.

Организаторы гонок предъявили Гиросу Ветустусу счет за взрыв кварковой бомбы и уничтожение пятерых гонщиков, совершенно не слушая только что очнувшегося ото сна и все еще летящего к финишу мужчину, и хотели еще взыскать за маневр, после которого главный претендент на победу будет еще долго лететь около черной дыры, но... нагрянули эрги и арестовали, кого могли.

Ветустуса вместе с кораблем отправили в новый звездный город, построенный взамен утраченному у черной дыры Зондаму. Там корабль изъяли, а человека временно арестовали, пока не состоится «честный» эргийский суд.

Эргос – огромная искусственная планета, блуждающая по вытянутой эллиптической орбите вокруг туманности Красного Паука вслед особо плотному и горячему потоку межзвездного газа, а эрги – крайне чопорные существа, слишком нетерпимые к любым преступникам, воруящим добытую ими энергию.

Собственно, поэтому Ветустус и был задержан. Не потому, что нарушил правила гонки и отправил Флита в долгое путешествие по близкой к черной дыре орбите, и не потому, что кварковой бомбой уничтожил пятерых соперников. А из-за сближения с эргийской черной дырой – их источника энергии в прошлом. И пока Гирос тратил время у гравитационной аномалии, организаторы гонки оперативно слиняли и оставили мужчину один на один с эргами, а те за нарушение границ решили спросить с Ветустуса.

Впрочем, Гирос не был против. Он подозревал, что гонки вокруг черной дыры не совсем законные, а посему был готов к любым неприятностям. Поэтому вторую неделю спокойно ожидал, когда эрги соизволят вынести приговор. По прикидкам ему грозило около тридцати лет тюремного заключения, либо альтернативных работ, которые сократят срок отсидки лет

до десяти. Все это было терпимо и весьма незначительно. И поэтому оглашение приговора несказанно удивило Гироса. Он впервые слышал, чтобы эрги отдавали заключенного на работы кому-то другому.

Прямо в маленькой камере с белоснежными стенами, где коротал свои дни Ветустус, на противоположной от мужчины стене появилось изображение эрга – существа, похожего на голограмму и состоящего, казалось, из крупниц голубого света. Эрг махнул рукой, и перед ним в воздухе материализовался ярко-голубой полупрозрачный текст на эргийском, который, тем не менее, загружался звуковыми файлами прямо в цифровую среду Гироса на понятном ему языке.

– Как настроение, уважаемый? – спросил эрг.

– Скучно, – передал Ветустус звуковым файлом в цифровую систему эргов и развел руками. – У вас совершенно нечем заняться. Хоть бы каторжные работы устроили. . .

– По поводу каторжных работ, – прислал эрг и дополнил звуковой файл ядовитым смешком. – У нас для тебя новости.

– Умоляю, дружище, – протянул беззлобно Гирос. – Какие новости смогут нивелировать тридцатник в вашей скучной тюрьме? Ну, что интересного вы можете предложить мне?

– Мы вряд ли, – ответил эрг, – ибо вы, Гирос, нам уже надоели. Мы не считаем вас способным исправиться и больше не появляться на Эргосе и принадлежащих ему окрестностях. И поэтому мы передаем вас другим э... людям. Пусть на сей раз они с вами возятся.

– Другим людям? – удивился Гирос и даже привстал с удобного кресла, отчего оно с явным вздохом облегчения убралось в стену. – Не поясните?

– Вот судебное постановление, – эрг указал рукой на светящийся перед ним текст. – Согласно ему, за нарушение наших границ и грубое и безответственное отношение к нашей энергетической собственности, имеется в виду черная дыра, вы осуждены на тридцать пять лет заключения, но эргийский высший суд постановил отдать вас для отработки наказания внешним подрядчикам. Итого: вы нас покидаете. Примечание: надеюсь, навечно. Удачи вам в новых приключениях, Гирос, – эрг с явным сожалением помахал рукой. – Кстати, капсула заключения передается вместе с вами. Нам же не надо, чтобы вы сбежали? Так вот, наш подрядчик очень щедрый и заплатил не только за вас, но и за капсулу. И за ее двадцатилетнее использование. Так что удачи. . .

– Но кто он? – быстро спросил Ветустус, но связь с эргом уже оборвалась, а капсула ощутимо вздрогнула. Ее явно куда-то перемещали. Гирос взмахом руки добыл из стены сидение и пробормотал: – Лишь бы он не ел людей. . .

Потом мужчина встал и заходил по камере. Он ощущал волнение, столь редкое для Гироса состояние. Это значило, что сама ситуация нестандартная. Видимо, будет и опасность. . . Однажды Ветустус уже попадал к эргам в тюрьму, и прошлый срок прошел очень скучно. Эрги неторопливые существа, как и всё вокруг, ведь если торопиться с добычей энергии, то можно принять кучу необдуманных решений. Какое, например, эрги приняли при строительстве сферы Дайсона и Зондама вокруг черной дыры, что в конечном счете и привело к ужасным последствиям. Теперь город распадался на части, а эрги стали еще более медлительны в вопросах добычи энергии. Не удивительно, что они не захотели оставлять еще на один срок Гироса – слишком непредсказуемый и неисправимый. . . Пусть с ним возится кто-то другой.

Теперь вопрос – кто этот кто-то? – стал более актуальным. И естественно волновал Ветустуса, ведь, хоть подрядчики и подписывали с эргами контракт о не причинении вреда заключенному, соглашение не всегда исполнялось. А по сути, эргам по завершении срока наказания нужна была лишь капсула камеры и гарантия, что преступник не увильнул от наказания. Вселенная же большая, а подрядчиков, занимающихся не пойми чем, в ней как гороха в ванной. Можно угодить к совершенно беспринципному, и жизнь заключенного превратится в сущий кошмар. Но это пол беды. «Сущий кошмар» для Ветустуса – это интересно, поэтому Гирос

только с радостью возьмется за новую работу, чтобы разнообразить скучные будни, а вот если подрядчик захочет его уничтожить – это проблема.

Наконец, тюремная капсула была доставлена в док и встроена в корабль подрядчика – все это время Ветустус в неведении мерил шагами камеру, хотя два шага туда и два обратно – не расстояние для прогулок, но неизвестность определяет степень нервозности и чем неотвратимей приближающееся событие, тем лихорадочнее состояние.

Вскоре на стене вновь включился монитор, и Гиросу посчастливилось, наконец, увидеть человека, под началом которого придется отбывать наказание в следующие двадцать лет. И первое, что он сделал, это открыл от удивления рот.

– Ты?

– О! Ветустус! Привет! – воскликнул с той стороны экрана странный мужчина. Большая часть тела была закована в металл, глаза представляли смесь жидких линз и электронных плат, а руки и ноги – огромные роботизированные клешни. От человека осталось лишь тело, которое, без сомнения, тоже не раз подвергалось модернизации. Крейн Ат Локо Вассерман раскинул ужасающие руки на всю длину, а это около трех метров, и снова радостно воскликнул:

– Ты не представляешь, как я удивился и, одновременно, обрадовался, когда эрги выставили на аукцион подряд об исправительных работах твоей неоднозначной личности. Это же удача, дружок! Это неимоверная удача! Ты помнишь, как я тебе говорил, что когда-нибудь нам удастся поработать вместе? Так вот он – шанс...

– Я не буду работать на тебя! – категорично отрезал Гирос. – Твои методы... ужасают!

– Ай-я-яй, дружок, – покачал головой Крейн и указал глазами в угол экрана, где светился договор подряда с эргами. – Нехорошо начинать свой срок с неповиновения. Ты вообще в курсе, сколько странных и необычных приспособлений принуждения эрги встраивают в свои капсульные камеры? А? Смотри...

Вассерман произвел какие-то манипуляции киберрукой, и из стен камеры выскочили небольшие, с ноготь, устройства, напоминающие видеокамеры, только они заметно искрились.

– Как думаешь, если я с их помощью чуток поджарю твою драгоценную шкуру, на долго хватит твоего упрямства?

– Что тебе от меня надо? – после короткого молчания спросил Ветустус. Сопротивляться бессмысленно. Ему так или иначе придется подчиниться Крейну, как минимум до тех пор, пока Гирос не сможет изменить ситуацию под себя.

– Вот! Это уже лучше! – воскликнул Вассерман и улыбнулся. Ветустус поежился от жутких металлических зубов, сверкнувших из раскрытого рта. – Я знал, что мы сработаемся!

– Я тебе еще ничего не обещал...

– У тебя нет выхода, – пожал металлическими плечами Крейн и уставился на Гироса. – Твои ближайшие двадцать лет заключения пройдут под моим чутким надзором. Иначе я вышвырну эту капсулу в космос, а эргам скажу, что ты пытался сбежать, и мой тройной задаток за капсулу вполне удовлетворит их. Ну так что? Будем сотрудничать?

– Ну так ты все никак не начнешь сыпать щедрыми предложениями, – заметил Гирос. – Вместо этого ходишь тут, угрожаешь...

– Вижу, сработаемся, – посерьезнел Крейн Ат, и его глаза мигнули.

– Как я узнал, что эрги отдают в отработку самого ценного вирального штурмана-навигатора в этой части галактики, не мог поверить в удачу. Несмотря на некоторые наши с тобой разногласия...

– Это не разногласия. Я просто не хотел тебе помогать, так как считаю твои методы... ужасными и неприемлемыми! А ты просто хотел меня убить. Это не разногласиями уже называют...

– Ну ничего, теперь, спустя столько лет считаю, что наша дружба стала еще крепче. Я постараюсь тебя не только не убивать, но и не угрожать, а ты просто поможешь мне, и все останутся довольны...

– На счет себя не уверен.

– Ну мне главное, чтобы эрги были довольны, а ты – преступник. Твое удовольствие – тема весьма относительная. Думаю, тебе придется забыть на время об некоторых изысках и удобствах. Но, если поможешь мне в одном дельце, обещаю этот срок сократить.

– Чтобы Крейн Ат Локо Вассерман когда-нибудь выполнил свое обещание – это что-то новенькое.

– Я серьезно, Ветустус, – медленно проговорил киборг. – Мне очень необходимо кое-что найти, и если это случится, я отпущу тебя и даже буду вечно благодарен.

– А если нет?

– Что ж, – пожал плечами Крейн Ат. – Отпахает свой срок в качестве вирального штурмана-навигатора, и разойдемся. Не зря же я отвалил за тебя тройной задаток. Эта капсула столько не стоит. Ну как, по рукам?

– Что-то мне подсказывает, что я об этом еще пожалею, – протянул Ветустус. – Но да: по рукам!

– Отлично! – обрадовался Крейн Ат Локо Вассерман и заулыбался, обнажив металлические зубы, сделанные, очевидно, из какого-то нержавеющей сплава, так как слюна совершенно не окислила металл. – Ты не пожалеешь, дружок! Вселенной тебе клянусь!

– Так что же ты хочешь?

– Ты не поверишь. – Вассерман развел руками. – Мне надо найти бессмертие!

Целую минуту Гирос пытался осмыслить, но никак не мог взять в толк шутит Крейн Ат, или на полном серьезе? Но вид сосредоточенного лица, внимательно ловящего любую эмоцию на лице Ветустуса, говорил красноречивее любых слов. И виральный навигатор не выдержал и повалился на пол, разрешив, наконец, себе не сдерживаться. Он просто заржал в полный голос, не стесняясь.

– Эй! Гирос? Ты там как? – Локо приподнялся на цыпочках и вытянул шею, пытаясь заглянуть за край экрана, но Ветустус выпал из поля зрения камеры.

– Святая Вселенная! Я уже погиб! – не унимался Гирос, сквозь смех выбрасывая из горла слова. – Этот чудила верит в сказки! Бессмертие! Твою мать, Вассерман! Неужели ты веришь во всю эту чушь?

Полуметаллический громила помолчал пару минут, давая время Ветустусу вдоволь повеселиться, потом нажал комбинацию клавиш на нарукавной панели, которую эрги предоставили вместе с капсульной камерой. В тот же момент Гироса изогнуло дугой от пропущенного через тело электрического разряда. Мышцы свело мощной судорогой, и зубы затрещали, собираясь, очевидно, сломаться. Состояние веселья покинуло мужчину в мгновение ока.

– Я не совсем понимаю, над чем ты так хохочешь, Гирос. – Крейн наклонил голову. – Я, например, припоминаю, что наша последняя встреча состоялась лет восемьдесят назад, не так ли? А ты... как будто и не изменился вовсе. Что с тобой, Ветустус? Принимаешь омолаживающие таблетки или генотерапия? А?

Гирос молчал, он совершенно отчетливо понимал, что Вассерману нужен положительный ответ, раскрывающий тайны бессмертия. И если Ветустус сделает хоть шуточный намек, что ему эта тайна известна, положение его ухудшится. Этот безумец на куски порежет Гироса, чтобы выпытать секрет, даже если тот просто пошутил.

– Знаешь, почему мне это интересно, Ветустус? – продолжил Крейн Ат. – Потому что я действительно жажду бессмертия. И смысл моей жизни в том, чтобы его найти. Я, возможно, самый старый человек во Вселенной. Мне пятьсот шестьдесят. И смерть, так или иначе, уже где-то рядом, ведь генотерапия лишь возвращает прожитые годы, а весь этот металл и пластик,

что заменяют мои конечности, когда-нибудь придет в негодность! Поэтому я и ищу бессмертие. Все его виды и способы. Мне это необходимо, и я не остановлюсь ни перед чем. Так что тебе, Гирос, известно о бессмертии?

– То же, что и тебе, Крейн, – покачал головой Вегустус. – А выгляжу молодо лишь потому, что... то тут рядом с черной дырой пролечу, то там забьюсь на гонки с около световыми скоростями. Вся моя молодость лишь следствие теории относительности. Оттого мне весело и не понятно, зачем я тебе. Ты же знаешь, что бессмертия не существует, а все способы продления жизни – лишь иллюзия.

– Это не так, – Вассерман сложил оставшуюся человеческую часть рта в ужасное подобие улыбки, очевидно, приняв за правду объяснение Гироса о природе его молодости. – Я изучал вопрос бессмертия и омоложения дольше всех во Вселенной, и знаю, что бессмертие осуществимо. Надо только отыскать бессмертных и выпытать у них этот секрет.

– Что? – Вегустус еле сдержал улыбку.

– Тебе хочется поржать? – Крейн Ат угрожающе занес руку над панелью «боли».

– Нет-нет, – поднял руки Гирос. – Это же глупо! Это как история с тихоходкой...

– Что это за монстр?

– Да был тут один бессмертный, пока человек не узнал о его качествах.

– Так что за история с ним? И его... бессмертием? Я не ослышался?

– Нет, не ослышался. Но тихоходка не была по-настоящему бессмертной, но вот ее свойства делали ей честь. Она умела выживать в самых невообразимых условиях, в том числе почти при абсолютном нуле, в вакууме и при высокой космической радиации. И она бы жила себе спокойно, вот только появилась у нее одна большая проблема. Этой проблемой для тихоходок стал человек. Он все искал и искал бессмертие, и в бездумном исследовательском порыве истребил не только опытные образцы, но и остальных тихоходок.

– Он их отлавливал, что ли?

– Это совершенно не обязательно, если хочешь уничтожить популяцию вида. Ее можно просто изменить, и все ее особи лишаться нужных свойств в течение нескольких поколений. Но речь не о том.

– Говори.

– Тут возникает невероятно точная аналогия с пресловутыми бессмертными. Если они есть, но очень сильно не хотят таких проблем, как нажила наша тихоходка? Ведь если о бессмертных узнает простой человек, он не успокоится, пока не разберет их на атомы. Может вечные не хотят, чтобы их препарировали, словно лягушку, поэтому и скрываются?

– Ты прав! Я точно не успокоюсь, я доберусь до сути и стану бессмертным, а для этого мне просто необходимо понять, как это работает. Так что ничего личного, как говорил пятьсот лет назад мой папка, которому было четыреста, но чем больше у нас времени, тем выше шанс, что мы откроем секрет.

– А может стоит обратить внимание на альтернативные методы бессмертия? – с надеждой в голосе спросил Гирос. – Ну, например, полная виртуализация сознания, перенос его на физический накопитель. Столько плюсов: телом может быть что угодно, например, твой же корабль, если вдруг уничтожат, то всегда можно восстановиться из запрятанной в хранилище копии...

– Ты предлагаешь мне переехать на цифровое кладбище? – зарычал Вассерман. Именно так охарактеризовал его рассерженный тон Гирос. – Триллионы людей и разумных существ выбрали этот способ бессмертия, но ведь это уже буду не я, не так ли?

– Крейн, но ведь сознание может быть вечно... тело всего лишь биоскафандр...

– Я считаю, что сознание без тела – это не человек. Человек, в моем понимании, это замкнутая биосистема, единый организм, включающий сознание. В отдельности он не может считаться человеком.

– Но... – попытался возразить Гирос, но Вассерман предупреждающе поднял руку, мол: «Разговор на эту тему закончен.»

– Я не собираюсь пополнять собою виртуальные кладбища, коими считаю подобные банки данных. Мне неинтересно становиться призраком и жить среди подобных призрачных систем. – Потом добавил:

– Я так или иначе заставлю тебя работать, дружок. Ты мне должен двадцать лет, по-другому срок наказания не будет считаться исполненным. Или, как я и говорил ранее, тебя просто уничтожу...

– Хорошо! – сдался Гирос. – Только не кипятись. Я же уже согласился тебе помочь, а это не исключает моей исправительной работы. Но ты не сказал, что мне надо делать на твоём корабле.

– А! О! – лишь воскликнул Вассерман, а потом уже более осмысленно добавил: – Я хочу поймать древних и узнать у них о существовании бессмертных. Как это сделать? Слушай.

Если верить Галактической Голографической Газете и корреспонденту-теологу Дую-Дю-Дю, бессмертие всегда являлось невероятно желанной и несбыточной мечтой, и его не достичь из-за эволюции и ее принципа избирательности, благодаря которому живые существа наследовали только те качества, которые могли пригодиться в будущем. А поскольку живые существа, в частности люди, не желали умирать и всячески искали для себя бессмертия, эволюция придумала своеобразный механизм регулирования длины жизни индивида. Для людей это теломеры в хромосомах, иными словами, их концевые участки, которые отмеряют определенное число делений клеток. Дую-Дю-Дю считает, что так задумано природой, чтобы индивид не нагнел, и популяция продолжала накапливать мутации, изменяться, эволюционировать, чего не случилось бы, будь человек бессмертным. Те же принципы эволюция заложила и в другие организмы. И в эргов, и дастанцев, и даже таких существ, как горги – жуткие кремниевые монстры. У всех был ДНК-подобный, но приемлемый только для их химического состава механизм регулирования продолжительности жизни. Какие-то существа жили меньше, какие-то дольше, но природа, в итоге, сказала веское «нет» их желанию существовать бесконечно.

А им всем так хотелось...

Нет, правда! Дую-Дю-Дю начинает издали. Он рассказывает, что на прародине человечества, давным-давно уничтоженной в войне с неконтролируемым ИИ Земле, люди всегда верили в нечто бессмертное. Сначала высшим существом выступало Солнце или Луна, потом их заменили боги, олицетворявшие дальние планеты солнечной системы и завладевшие умами людей на долгие тысячелетия, а потом люди придумали себе бессмертных людей, якобы рождённых от богов.

Все это было бы довольно глупо, если бы все религии так или иначе не перекочевали в космос и не распространились с человечеством по обитаемой вселенной. Старые забылись, а на их основе родились новые. И везде фигурировали бессмертные люди или бессмертная душа, которая переселялась из тела в тело. И расположение местожительства вечных всегда отодвигалось за границу, которую не могли преодолеть люди. Небо для древних землян, Луна, Солнце для более современных, центр Млечного Пути для добравшихся до Альфа Центавра, Галактика Андромеды для освоивших гиперпространственные технологии. Дую-Дю-Дю так намекает, что никаких богов и бессмертных нет, и если человеку хочется верить в них, то он помещает жилище богов за пределы расстояния, которое в состоянии преодолеть. На что сторонники вечной души всегда возражали: душа же всегда живет внутри... То есть, она рядом.

На основе последней идеи даже получились почти бессмертные люди. Матрица сознания снималась, то есть копировалась на ДНК-накопитель и в реальном времени сохранялась, а потом эта матрица служила основой для нового тела, которое выращивалось с помощью клонирования. Но не все верили, что новое существо полноценный человек. Те из людей, кто

не имел достаточно денег для подобного воскрешения, создали «Общество защиты от подделок» и всячески пакостили счастливым, отчего им пришлось изолироваться на удаленной планете и создать «Общество защищающихся подделок». Всем сразу стало легче, а два общества теперь досаждали исключительно друг другу. Тем не менее, технологии продления жизни существовали, но не были абсолютными. Как минимум, для людей. Сюда попадали как генетические изменения, так и киборгизация тела любой сложности. Некоторые доходили до полной замены конечностей и органов на роботизированные конструкции максимальной сложности, оставляя от тела только мозг, плавающий в сверхзащищенном резервуаре с функцией замены умерших клеток новыми из стволовых. Но всегда мог сломаться как кибернетический олов, так и выйти из строя мозговой резервуар. Именно поэтому Вассерман и искал полноценную замену киборгизации.

И вот тут-то на одной закрытой планете, где находилась невероятно огромная планетарная библиотека, он откопал информацию об очень старом способе перемещения в космосе и о людях, которые передвигаются так с незапамятных времен.

Ветустус не поверил ушам, когда Крейн Ат Локо Вассерман поведал ему об этом. Ведь полеты со скоростью, приближающейся к световой, были давно забыты как крайне непрактичные. Кораблю и экипажу не хватало времени, чтобы достичь какой-то удаленной системы или планеты. В масштабах галактики это было слишком медленно: словно улитка ползла по гигантскому шоссе. Иной раз прилетающие этим способом люди заставляли руины, вместо городов. За время полета успевали смениться поколения, а то и целые эпохи, государственные строи, да и сами планеты претерпевали колоссальные изменения.

Но!

Этот способ оказался полезен тем, кто лично путешествовал таким способом. Согласно специальной теории относительности Эйнштейна, время для человека, путешествующего на корабле со скоростью в 0,9 скорости света замедлялось примерно в два раза. В теории, чтобы достичь бессмертия, необходимо было максимально приблизиться к скорости света, но тогда к бесконечности стремилась и масса, отчего такое путешествие становилось невозможным. Но ушлые борцы со старением нашли способ разгонять корабль до 0,95 скорости света, отчего время замедлялось еще сильнее, а также прикрутили к своим кораблям криокапсулы и замораживались на многие годы, пока корабль, словно искорка света, медленно путешествовал из одного конца Млечного Пути в другой.

– Да это бред. – возразил тогда Гирос. – Это не делает людей бессмертными...

– Я не говорю, что делает, – недовольно отрезал Вассерман. – Я говорю, что эти люди раз в сто – двести лет останавливаются, чтобы пополнить топливо, припасы, узнать галактические новости и, конечно, выяснить не шагнула ли наука к истинному бессмертию. Вот они и должны знать тех, кто, возможно, является бессмертными.

– Но как? – удивился Ветустус. – Как они могут это знать?

– Я перетряхну их древнюю базу данных и сравню с современной. – Крейн Ат хищно ухмыльнулся. – Все совпадения буду считать именно бессмертными...

– А я тебе тогда зачем? – не удержался Гирос.

– Как же? – Локо Вассерман скорчил удивленную мину, будто только что вспомнив, что чуть раньше принял на борт преступника. – Ты же лучший виральный штурман-навигатор в этой части галактики? Так?

Гирос осторожно кивнул, наблюдая за реакцией Крейна.

– Ты связываешься своим мозгом с ИИ корабля и помогаешь ему работать. Еще ты отлично знаешь нашу галактику. Вот для этого ты и здесь. Будешь моим штурманом, станешь направлять корабль в поисках древних. Координаты я тебе сообщу, добыл тут недавно в последней точке, где сто тридцать лет назад они заправлялись. Ну так что, ты со мной?

– Я же сказал...

– Отлично! – перебил Вассерман. – Твоя капсула имеет выход для подключения к корабельным виртуальным системам, из нее и будешь управлять. Я только закрою доступ к корабельному вооружению, а то мало ли на какие кульбиты ты способен. Ну... – Крейн удивленно вскинул брови. – Я не понимаю, почему ты еще не подключаешься к кораблю? Давай-давай! Время дорого: у меня встреча с древними. Известны и конечная точка их маршрута и время прибытия! Давай, за дело!

– Есть, сэр, – вполне официально, хоть и недовольно сыронизировал Ветустус и занялся подключением к кораблю Вассермана прямо из своей камеры.

А потом долгие секунды наблюдал смерть древнего космического корабля, который Крейн перехватил у самого края Млечного Пути спустя два с половиной года. Ужас поднимался внутри и заполнял все пространство, отчего даже имитирующие человеческие нейросинаптические связи корабля задрожали, и по корпусу пробежала ощутимая вибрация. На месте космического фрегата древних безмолвно вспыхнуло солнце, поглотившее весь экипаж – пять тысяч триста двадцать человек, и тут же потухло.

Вассерман вычислил, нашел и поймал этих людей просто для того, чтобы уничтожить? И так будет с каждым следующим? Все погибнут, чтобы удовлетворить жажду Крейна в бессмертии? Надо что-то делать! Но как заключенный, изолированный от остального мира, может противостоять человеку, свободному как в перемещении, так и во власти над ним? Есть только один способ... и этим Гирос занимался последние два с половиной года, каждый день, каждый час, каждую секунду, когда Вассерман отвлекался. Теперь нужно только ускориться.

«Зато совсем не скучно», – мелькнула отчаянная и глупая мысль. Уже давно так сердце не колотилось. Лет двести или триста? Даже недавнее приключение у черной дыры не вызвало в душе Ветустуса такого сильного отклика.

Мысли Гироса прервал открывшийся входной шлюз, и пока Вассерман снимал боевой скафандр, Ветустус лихорадочно думал. Он оказался в западне с очень опасным зверем, который, и правда, ни перед чем не остановится, чтобы добыть информацию о бессмертии. А значит...

Это значит лишь одно – в данный момент в опасности сам Гирос, и чтобы изменить расклад нужно быстро думать... Мужчина нырнул в ИИ корабля, когда гермодверь шлюза открылась, и, громыхая металлическими ногами по палубе, вошел Крейн. Даже у киборга, почти лишенного лица, можно было прочесть эмоции. По наклону головы, по слишком частому мерцанию фотоэлектрических глазных имплантов, по агрессивно расставленным рукам и более тяжелой и косолапой походке. Вассерман был очень недоволен. А знай его Гирос на пару столетий дольше, то понял, что он и вовсе крайне зол. Но мужчина ощутил это только когда киборг соединился с ИИ и отключил цифровые текстуры, делающие облик корабля привычным человеку. Рубка с приборами исчезла, и Крейн остался сидеть в полутемном бункере на особо мощной балке среди груды скрепленного металла и всевозможных ребер жесткости. Настоящему крепкому полувоенному, полупиратскому кораблю совершенно не требовалось радовать глаза человека. У него стояла другая, более важная задача – выжить при максимальных нагрузках. Конечно, конструкцию во многих плоскостях окружало энергетическое поле, но, тем не менее, ребра жесткости были важнее эстетической привлекательности, которую приносила виртуализация. Сейчас Крейн Ат снял текстуры, и корабль предстал в первозданном, не украшенном виде.

Гирос поежился: недовольство Вассермана лишь усилилось.

– Гирос, дружок, – зловещим тоном заговорил Крейн. Гирос умножил натиск на ИИ корабля, оставив на разговор с киборгом лишь малую толику сознания. – Я тут поговорил с древними о том о сём, ну, ты видел, – махнул рукой, словно говоря, что Гирос видел, как «круто» тот поговорил с древними. Очередной прием устрашения. – И кое-что я узнал.

– Что же?

Надо отдать должное Крейну, он не стал ходить вокруг да около, а просто вывел в воздухе рядом с собой виртуальный монитор, на котором побежали строчки некоего списка. На отдельной фотографии Гирос узнал себя, на других свою мать и отца, а также более далеких предков.

Стоило поторопиться... Но корабельный ИИ вяло рывкнул, что дальше штурманской части Ветустусу заходить не положено. Гирос улыбнулся, он знал, как общаться с любимым ИИ.

– Улыбаешься? – переспросил Крейн Ат. – Тоже заметил? Это старейшая база данных с корабля древних. А вот, – он указал на карточку Гироса, – твоя фотография, под которой значится: Гирос Вайросович Ветустус. А вот карточка Вайроса Ветустуса, а вот – Ийи Ветустус. Не странно ли?

Гирос лишь пожал плечами. Пусть продолжает, ведь главный вывод, который следовал из презентации киборга еще не озвучен, а пока он это делает, у мужчины есть время...

– Не вижу ничего странного.

– А я вижу, – сказал Крейн Ат и помолчал, ожидая, что скажет Ветустус, но так и не дождавшись, спросил прямо в лоб: – Зачем ты меня обманываешь, дружок?

– Ты о чем, Крейн? И в мыслях не было.

– А как же это? Базе данных более полутора тысяч лет. – Вассерман вновь указал на фотографии Ветустусов. – Ты даже при столь явных доказательствах твоей древности будешь отрицаться?

– Это не я, – пожал плечами Гирос. – Однофамилец.

– Ага, – кивнул Вассерман, – просто однофамилец с тем же именем и отчеством, а также с поразительно совпадающей физиономией.

Гирос кивнул. Его сейчас больше занимал ИИ корабля и системы, куда тот пока не допускал человека. Нейросинаптический мозг на корабле Крейна был явно более защищён, чем все встречавшиеся ранее. Ветустус с удовольствием потратил бы неделю, чтобы ознакомиться с каждой связью электронного мозга, но времени на дружелюбие уже не осталось. Нужно давить...

– Отлично, – Крейн взмахнул чудовищными киберруками и выхватил из демонстрационного экрана фотографию Гироса, увеличил ее, превратил в трехмерную голографическую проекцию, на спине которой темнело родимое пятно. – Тогда раздевайся. Хотя нет, я помогу.

Вассерман активировал нарукавную панель управления тюремной капсулой. Из стен выскочили сотни лазерных микромодулей, и не успел Гирос испугаться, Вассерман запустил их. Сотни раскалённых огненных нитей маломощного лазера вонзились в Гироса и потянулись вверх и вниз по спирали, разрезая одежду, зажигая волосы и кожу. В нос ударил едкий запах горелой кожи, но мужчина сознанием был сейчас рядом с корабельным ИИ и доламывал его слишком сложную защиту. Боли он не чувствовал даже когда лопнул левый глаз, а кожу во многих местах прорезали обжигающие лучи. Наконец, искромсанная одежда спала, полностью обнажив человека, истекающего кровью из сотни похожих ран, которые постепенно, но слишком быстро для человека затягивались и исчезали. На спине у него находилась идентичная проекции родинка.

– Итак, – триумфально воскликнул Крейн Ат Локо Вассерман, разглядывая обнажённого мужчину, – вот и доказательства! Первое – ты есть в древней базе, а то, что это ты, без сомнений – родинка на месте. Могу, конечно, взять биообразец, но, думаю, уже не надо. Второе – слишком быстрая регенерация и отсутствие боли, видимо, следствие способности быстро восстанавливаться. Третье – твое блестящее знание галактики, позволяющее быть лучшим среди штурманов-навигаторов. И, наконец, четвертое – даже в старой базе данных ни у одного из вас не указана планета рождения, из чего я могу сделать вывод, что кто-то ее тщательно скрывает... Ты именно тот, кто мне нужен.

– И что же ты собираешь делать со мной? – спросил Гирос слабым голосом. Большая часть сознания сейчас сражалась с корабельным ИИ.

– Как что? – довольно ухмыльнулся Крейн Ат. – Ты спрашиваешь, что можно сделать с целым человеком? Ты же вот здесь, в плену у меня. Целико-о-ом! Девяносто килограммов чистейшего бессмертного генетического материала! Да мне хватит одной пробы, чтобы взять биологический материал и сделать себе тело! А пересадить туда матрицу разума вообще не проблема – технология давным-давно опробована в «Обществе защищающихся копий». И дальше два варианта: уничтожить тебя, если всё получится, или держать в клетке и брать еще образцы, если не получится. Это очень удачно эрги отловили тебя, а я арендовал, не находишь?

– Ну вот он я, – Гирос раскинул руки, – весь в твоей власти. Пользуйся.

Тут Ветустус дико закричал от перенапряжения, добивая защиту ИИ, а Вассерман принял этот крик за вопль побежденного человека. Он широко улыбнулся тем, что осталось ото рта, обнажив металлические зубы.

– Э нет! Думаешь, все так просто? Я хочу узнать, где находится твоя планета. Зачем? Там зародились бессмертные, там они и живут. А имея такой невосполнимый запас ваших генов, я подчиню Галактику! Сначала разбогатею, продавая биоматериал и права на его использование, а это ниточки. Кто не будет слушаться, тот лишится лицензии, а значит и жизни. Я стану повелевать людьми, используя бессмертные как оружие...

– Ничего ты не сделаешь, – твердо сказал Гирос и выдохнул с облегчением, осознав, что победил, что вся власть над кораблем целиком в его руках, как и над кибертелом Вассермана. – Ты и сейчас не можешь.

Мужчина рассмеялся, отметив безуспешные попытки Крейна пошевелить конечностями.

– Видел бы ты себя со стороны. Прямо муха, пойманная в сеть. Огромная такая полуметаллическая муха.

– Эй, что ты делаешь?! Отпусти!

– Это не я, – пожал плечами Гирос, и входная панель тюремной капсулы щелкнула, открываясь, а мужчина вышел к киборгу. – Это корабль. Теперь он думает, что ты пленник, а я его хозяин.

– Но как? – прошептал Крейн.

– Ты забыл о втором сознании, – пояснил Ветустус. – Без него невозможно выжить, когда первое отключается. Ну и разве я когда-нибудь стал столь хорошим виральным навигатором? Не-а.

Гирос спокойно подошел к обездвиженному Вассерману, снял нарукавную пластину управления камерой и скомандовал кораблю:

– Проводи заключенного в его капсулу узника.

– Ты не посмеешь! – зло рявкнул Крейн Ат и в полнейшей беспомощности ощущал, как его тело само встало, повинувшись командам подключенного корабля, и пошло в камеру заключения. – Ты ответишь за это!

– А вот и нет, – возразил Ветустос. – Ты сам оплатил в тройном размере залог за камеру, и эргам будет достаточно сигнала датчика, что заключенный умер.

– Нет!

– Да! – подтвердил Ветустос и, смотря уже через экран на пленённого Вассермана, передразнил:

– Да, «Дружок»?

– Нет! Нет! Не надо! – вдруг взмолился Крейн Ат. Я не хочу бессмертия, не хочу знать, где твоя планета, я сотру себе память, я... я... отпущу тебя!

Гирос вновь рассмеялся.

– Я уже на свободе и плюс – у меня твой корабль. Ну и... неужели ты думаешь, что я отпущу чудовище, только что уничтожившее пять с лишним тысяч ни в чем не повинных людей, на свободу? Заблуждаешься!

– Теперь же я тебе кое-что расскажу о бессмертии, как и обещал, – после непродолжительной паузы продолжил Гирос, настраивая панель управления камерой. – Бессмертие никогда не дается просто так. Это лишь очередная ступень эволюции моих предков, если хочешь, ведь ты и я различны, словно примат и человек. И эволюция, чтобы мы не сгнули на очень и очень недружелюбной планете, решила настроить наш организм иначе, но перед этим миллионы моих предков прожили ужасную, неимоверно трудную жизнь и приняли не менее страшную смерть. Предки, как и другие переселенцы с Земли, отправились на очередную экзопланету, но звезда, вокруг которой обращалась планета, постепенно сделалась красным гигантом, расширившись почти до орбиты родной планеты, и все эти преобразования с планетой – жар, пар, высвободившийся из ледников, а из-под коры агрессивные газы – создали из планеты настоящий Ад, а у людей запустили феноменальный процесс мутаций. Теперь наши гены отличаются от ваших слишком значительно, чтобы комбинировать их с вместе, а сознание двойное. Ваше сознание в нашем мозгу растворится, словно микрокод в полноценном ИИ. Ты понимаешь? Прежде чем стать бессмертными, мои предки вынесли невероятные муки и поставили несметное количество памятников павшим в борьбе с родной планетой. И бессмертие было бы наградой, не шатайся по Галактике такие как ты: страждущие вечности. Я не зря тебе рассказал о тихходках и о их тайном желании. Мы, как и следует из той истории, не хотим, чтобы о нас знали люди! Мы боимся: наше желание, как ни странно, совпадает с желанием навсегда исчезнувшей тихходки. А она лишь хотела, чтобы никто не знал о ее выдающихся особенностях. Да-да! Тысячелетия борьбы со смертью не должны пропасть даром из-за таких как ты. Поэтому, мы избавляемся от вас.

– Нет! – замотал головой Вассерман, но Гирос уже нажал кнопку на пульте, и пламя скрыло лицо киборга. Камера на время превратилась в мини крематорий. Пройдет пол часа, и от Крейн Ат Локо Вассермана останется лишь груды металла и горсть пепла.

– Какое странное имя: «Крейн Ат Локо Вассерман», – сказал вслух Гирос, разворачиваясь к вновь созданной голограмме виртуальной рубки управления. – То ли Вегустус, что с древнеземного значит: Древний.

В журнале «Тайная Вселенная», выходящем на удаленной и отсталой планете Вудсток, журналист-уфолог Семен Роберштейн раз в год излагает свою безумную теорию появления и жизни бессмертных: «Однажды группа колонистов со старой Земли оказалась в безвыходном положении перед расширяющимся солнцем новой планеты. Без возможности улететь, им пришлось выживать и приспосабливаться. Постепенно нарастающие сложности из-за разрастающегося красного гиганта сделали из них бессмертных существ, которые эволюционировали за считанные тысячелетия. Потом красное солнце уничтожило их планету, и бессмертные расселились по Галактике, где живут и по сей день, принужденные скрываться от обычных людей, так как для простых смертных нет ничего желаннее бессмертия».

Но теория эта ничем не подкреплена, поэтому навсегда останется лишь теорией, а Роберштейн – безумным сказочником, осмеянным серьёзным научным сообществом.

Затянувшийся кошмар

Огромные темно-серые облака медленно плыли над землёй. Яркое летнее солнце упорно выглядывало из-за них, усиливая контрастность мира: тени казались чернее, а пространство внутри них глубже.

Вот вроде тенёк от туч, и спокойно на душе, а солнце выйдет – мгновенно краски становятся ярче, а границы чётче, и уже не по себе. Излишняя контрастность раздражающе действовала на десятилетнего мальчика. К тому же, вычурные резные кресты, траурные гранитные памятники и окрашенные чёрным заборы только чётче проступали на фоне других одинаково мрачных и гнетущих изваяний вечности, куда, по словам матери, отправляли любимых и близких.

Тимка Белов не был уверен, что любимых надо туда – в какую-то странную вечность – отправлять, но считал, что знал о жизни мало, а по сему, старался не судить о традициях, появившихся давным-давно, задолго до рождения самого Тимофея.

Зато Тим успел много узнать о страхе. О да! Страх поселился в жизни мальчика и всё чаще упорно лез к Белову, холодными липкими пальцами забираясь в самые потаённые уголки Тимкиной души.

Нет. Не только темнота служила его источником. Это мальчик понял слишком рано для только что ступившего на дорогу жизни человечка. И самым страшным местом являлась сейчас могила отчима, куда наведальась мать, оставив мальчика одного у кладбищенского забора...

Здесь Тимофею стало одиноко и неуютно. В память сразу нагло полезли образы из небогатого на радостные события прошлого, порой вызывая дрожь, а порой – липкий ужас, который, казалось, Тим уже присмирив, тем более главный его источник – отчим Виктор – недавно скончался, чем, казалось, освободил ребенка от страха.

Но не тут-то было. В этом тихом покинутом месте, среди шумных берез и елей, а также густых облаков, часто закрывающих солнце и разрешающих теням зловеще расползаться повсюду, страхи вновь проступали наружу.

Впервые Тимка познал ужас, когда в два или три года мать уложила мальчика одного в кроватку с высокими бортами, и посреди ночи мальчик проснулся, а потом долго не мог заснуть, как и шевельнуться и закричать от ужаса. Он мог лишь наблюдать за отчетливой тенью в окне – словно некто гигантский зловеще махал мальчику рукой по ту сторону освещенного с улицы стекла. И если Тим просыпался, то старался не смотреть на окно, а долго, почти задыхаясь, вдавливал лицо в подушку, пока сонная нега не забирала с собой.

Потом был ужасно долгий и страшный день наедине со стоящим в зале гробом с отцом-покойником. Когда мальчику было четыре, бату сбילה машина. Мать-одиночка долго не приходила, очевидно, занимаясь какими-то таинственными делами, но на самом деле организовывала похороны, о чем мальчик, естественно, не знал. Зато он знал, что один в доме с умершим, и это знание лишь усугубляло страх. Тем более, что мертвый отец иногда издавал еле слышимые неясные звуки, отчего мальчик вскакивал и с безумной надеждой в душе ставил табуретку на безопасном расстоянии и издали спрашивал: «Па, ты, что ли?» А потом забивался в дальний угол и ждал, сам не зная чего. То ли, что мать всё же соизволит прийти, то ли, что отец встанет и, в зависимости от степени «мёртвости», либо обнимет и объявит, что все всё поняли неправильно и он живой, либо подойдет к мальчику, чтобы забрать Белова с собой... И Тим не знал, что лучше. Он вообще сомневался, что не умрет от разрыва сердца, если вдруг отец шевельнется. Как Тима пережил тот день, мальчик не помнил.

Еще были пауки и тараканы, постоянные жители их квартиры, ведь мать, полюбившая после смерти отца выпивку, особо не интересовалась другими жильцами. Сын, а также многочисленные «постояльцы» в виде жуков, мокриц и тараканов ушли на второй план для

горящей женщины. Их вытеснила водка. Поборов страх перед жуками, Тимка почти подружился с ними, но пришел тоскливый ужас одиночества в не пустой в принципе квартире: мать частенько была в спальне, пьяная от горя, а мальчик не мог отключить газ или воду и безуспешно пытался добудиться мать. Только выдержка и закалка старыми страхами позволила мальчику выжить и однажды спасти мать. Когда во время её очередного беспробудного и наркотического сна загорелась тряпка, Тимка не убежал из дома и не стал тратить время, чтобы добудиться до матери. Пятилетний ребенок просто залил всё водой и потом с огромным трудом закрыл газовый кран, который был слишком тугим.

А потом пришел ОН, – самый главный страх в жизни мальчика, – отчим.

Поначалу жизнь вроде наладилась, мать почти перестала пить, устроилась на нормальную работу в местный ЖЭК, а Тимка в шесть лет пошел в первый класс. Вот только отношения с отчимом у мальчика не сложились. Виктор, – так его звали, – слишком рьяно принялся воспитывать пасынка, отчего Тимке поначалу было неудобно, а после и вовсе страшно. Со временем Виктор принялся колотить мальчика за малейшие проступки и требовать все больше: и отличных оценок, и идеальной уборки в квартире, и абсолютной тишины, когда они с мамой закрывались в другой комнате и «делали Тимке сестренку», шумев при этом, будто убивали друг друга.

Почему Тим должен, глядя в потолок, молча лежать в то время, как родители орут на все соседние квартиры, ребенок не понимал, но не понимая от него требовал отчим, а точного и безоговорочного подчинения и исполнения его прихотей. А мать, потерявшая мужа и с помощью Виктора, можно сказать, вылезшая из пьяного забытья, не перечила «будущему отцу своей дочки и сестренки Тимы». Только вот со временем изначально безобидные тумачи и затрепщины переросли в более сильные удары, причем отчим знал, как причинить Тимке боль, при этом не оставив синяка. Так что, когда мать не видела или была на работе, мальчик пытался «потеряться» в самом дальнем и темном углу комнаты, благо с темнотой они подружились, а вот с Виктором нет.

Чем дальше, тем больнее были тычки, пинки и пощечины. Что происходило с отчимом, Тимка не знал, но почему-то в мальчике зрела уверенность, что всё дело в будущей сестре. Они с мамой уже четыре года «бились», – и мальчику казалось, что бились по-настоящему, – над её «созданием», но почему-то не выходило. Маленькая гипотетическая девочка всё никак не появлялась на свет. Тима уже со злостью ждал, чтобы долгожданная сестра наконец пришла к ним в дом, может, и страдания мальчика прекратятся? Но нет. Сестренка никак не появлялась, а отчим всё больнее лупил Тимку за каждую провинность, словно наказывая его за неспособность взрослых к размножению, и мальчик не то, что не мог никому рассказать о своей трагедии, он просто не хотел. Перед глазами вставали картины изрядно пьющей матери, и ребенок, сжав зубы и сдерживая крики, терпел и пытался не показать, чего стоит ему материнское счастье и трезвость.

Так продолжалось до четвертого класса, пока в один прекрасный для Тима момент, отчим, пытаясь очередной раз ударить мальчика, не задел полку, она не выдержала и рухнула на стеклянный, а по словам матери, хрустальный, кувшин. Он лопнул словно маленькая граната, и осколки разбросало по кухне. Тим получил три осколка в руку, когда закрылся рукой, а отчим...

Мальчик поежился от скверного воспоминания, когда он несколько долгих мгновений в ступоре смотрел, как Виктор сначала пытается зажать сонную артерию на шее, откуда струей хлещет кровь и заливают все вокруг: и стены, и шкафы, и белый потолок кухни, и самого Тима, когда отчим с вытянутой рукой делает шаг к нему и поскользывается в луже собственной крови, а потом шмякается головой о жёсткий табурет. Мальчик закрыл в тот момент глаза и, ощущая, как по лицу стекает что-то теплое и мерзкое, стоял так два часа до возвращения с работы

матери. Кровь капала с поврежденной осколками руки, но Тимке было все равно, лишь бы не открывать глаза и не видеть ужасную картину.

Сорок дней прошло со смерти отчима, а ужасные кадры разливающейся вокруг крови до сих пор преследовали мальчика. Именно поэтому мать оставила Тима за оградой кладбища, пока собиралась навестить ненавистного мальчишке человека, вернее его могилу.

Пацан вновь почувствовал себя неуютно и огляделся. Вокруг ни души и тишина, вызывающая звон в ушах. Оно и понятно: кладбище – это не дискотека, чтобы по нему праздно шатались люди. Но пугало другое – отсутствие людей на подъездной дороге, ведь там, рядом, строительный рынок, и, нет-нет, да должны проходить горожане. Но их не было.

Мальчику сдавило грудь, и он поднялся на цыпочки, пытаясь поскорее высмотреть среди оградок и памятников одетую в черное мать. Тимке вдруг почудилось, что он остался один во всем мире. И дело даже не в том, что кроме матери у него не было родных: родители, как он узнал, выросли в детдоме, а в том, что, заботясь о матери, он стал нелюдимым, порвал все дружеские связи, – однажды даже был бит сверстниками за странность и скрытность, – и в случае внезапного одиночества, не знал бы куда податься.

– Мам! – крикнул Белов, заглядывая за забор. Потом взволнованней и громче: – Ма-а-ам! Давай быстрее! Ты где, мам?!

Но из-за ярких контрастных цветов – солнце как раз выглянуло из-за облака – разглядеть мать не удалось. Всё в глазах мальчика рябило и расплывалось.

Страх обуял Тима. Страх ужасного одиночества на краю кладбища, доверху наполненного мертвыми...

– Ма-а-ам! Ну, ма-а-ам! Давай выходи! Домой пойдем! – кричал Тимофей, но ответа всё не было.

В конце концов Белов настолько разволновался, что трясся мелкой дрожью, но продолжал стоять на носочках и вглядываться в пеструю тень под раскачивающимися березами и елями. Матери, кажется, нигде уже не было...

Хотя...

Тимофей вроде разглядел чей-то тёмный силуэт, и сердце пацана радостно забило. Он не устоял на месте и быстро засеменял меж оградок, стараясь не смотреть на фотографии мертвых. Всего-то: метров пятьдесят прямо, потом перейти в ряд слева у памятника с женщиной с крыльями, потом еще столько же, а там, скорее всего, можно свернуть на прямую до могилки, у которой остановилась мать. И Тимке было уже все равно, что там похоронен злейший и ужаснейший человек. Главное взять мать за руку и не отпустить, пока они не придут домой.

Зрение ребенка сузилось, глазные яблоки, словно сведенные судорогой, не двигались. Просто Тим не желал видеть унылые фотографии давно сгинувших людей. Ему почему-то все они казались страшными. Может из-за отца, и старой детской травмы, когда ребенок целый день провел рядом с покойником, или из-за отчима, который и живой-то был страшен, а вот с мертвым Тимке встречаться не хотелось. Мальчику казалось, что восстань умерший Виктор из могилы, то непременно попытается найти пасынка и отомстить за его испуг и что не смог позвать на помощь.

Что-то резко схватило за руку, отчего сердце застучало с удвоенной силой, а Тимка подпрыгнул и чуть не заорал, но ему удалось пересилить страх и обернуться. Кривой ржавый болт на старой, очевидно, заброшенной оградке зацепился за рукав футболки. Всего-то...

Но мальчику было не до смеха. Он с силой выдохнул воздух из сведенных судорогой лёгких. Хорошо, что не забыл, как дышать! И попытался снять ткань с необычного крючка. Неизвестно зачем, но в этот миг он посмотрел на заброшенную могилку, которую увековечил треснутый пополам памятник. И тут же вновь забыл, как дышать. Застыл и крикнул назад:

– Мам! Ты здесь? – и с остервенением стал рвать футболку, лишь бы соскочить с крючка. Со старой давно поблёклой фотографии на него смотрела его же мать!

– Ма-а-ам! – надрывался ребенок. – Хватит уже! Пошли отсюда!

Но никто не ответил. С жутким треском, разогнавшим пугающую кладбищенскую тишину, футболка порвалась, и Тимка опрометью бросился к темному силуэту под сенью деревьев.

– Ма-а-ам! – кричал он. – Давай уже! Собирайся! Пошли отсюда!

Но мать не отвечала. Её темная фигура недвижимо стояла меж оградок, словно женщина погрузилась в транс от воспоминаний, некогда украшавших ее жизнь.

– Мам! Ма-а-ам! – Тимка наконец добежал до могилки, рядом с которой стояла темная фигура, и скороговоркой выпалил все, что думает, пытаясь рассмотреть фотку на памятнике. Ему уже было все равно, что с фотографии может смотреть отчим. – Пошли домой. Тут страшно! Тут как-то неправильно! Пошли! Ну, ма-а-ам!

И тут Белов различил, кто изображён на фотографии. Волосы встали дыбом, а конечности застыли, сама возможность двинуть рукой или ногой, казалось, исчезла. Там снова была мама!

В нос ударил очень знакомый легкий запах. Тимка его помнил еще со дня, проведенного в комнате с мертвым отцом. Можно не знать, как называется вещество, но запах формалина ни с чем не спутать! Открыв рот в немом крике, мальчик медленно повернулся к темной фигуре, которая тоже уже разворачивалась. Белов не знал, кого увидит, но точно не мать, потому что – и как мальчик не заметил сразу? – фигура заметно увеличилась в размерах.

Бежать! Но Тимка не мог и пошевелиться! Казалось, темная фигура гипнотизировала, и мальчик не сдвинется с места, пока не узнает, кто скрывается за черным капюшоном, накинутым на голову. И тут показалась уже подёрнутая разложением бледная кожа. Очертания, нос и скулы слишком ясно напомнили ребенку, кто его обижал четыре года!

– Ну что, маленький негодник? – прошипел монстр, – по-другому нельзя назвать мертвого человека, чью кожу уже частично разъело бактериями и червями. Нос запал, а один глаз лопнул и сочился темно-зеленой слизью. Из дыры на горле надувались черные пузыри. – Не ждал меня? Вот сейчас я научу тебя, как надо меня слушаться!

Когда Тима заорал, оцепенение спало, но мальчик не решился повернуться к отчиму спиной. Вместо этого пятился, пока не уткнулся в оградку, потом бочком засеменял вдоль нее, надеясь, что она когда-нибудь кончится, и Тим не глядя отыщет проход.

Меж тем монстр оскалился:

– Ты опять хочешь сбежать? Как тогда на кухне? – Виктор разразился ужасным каркающим смехом. – Ты не сможешь! Ты не убежишь! И ты получишь сполна! Теперь тебе не спрятаться!

– Нет! Нет! – кричал в ужасе мальчик. – Отстань! Мама!

В завершение слов солнце забежало за облако, и тень разлилась повсеместно, окутав собой и лес, сделав пространство вокруг темнее. Неожиданно захлопали крылья. Тима повернул голову и застыл. На оградке сидел черный ворон и поворачивал голову, грозно разглядывая мальчика. Снова звук крыльев, и уже, с другой стороны, новый ворон присел на оградку, словно они решили окружить Белова, будто хотели напасть...

– Нет, – жалобно протянул Тимофей и замотал головой. – Нет! Не трогайте меня!

Но птицы его не слушали, а отчим хрипло «закаркал», будто по-настоящему смеяться ему мешало травмированное горло. Вороны напали без предупреждения, и сколько бы ни закрывался маленький мальчик, прижавшись к оградке, грудь и голову доставали длинные и острые клювы страшных птиц.

– Не-е-е-е-ет! – закричал Тимка. – Не-е-е-е-ет!

И проснулся...

Впрочем, ничего не изменилось. Удары продолжали сыпаться со всех сторон, только теперь это были не птицы, а мальчишки, не клювы, а деревянные линейки, не кладбище, а слабо освещенная единственной лампочкой комната в детском доме, не день, а глубокая ночь.

– Ты чё орёшь, новенький? – допытывался мальчик с черными волосами, продолжая наносить удары длинной деревянной линейкой. Тимка как мог уворачивался и отбивался, но рядом стояли другие мальчишки и тоже лупили его линейками и кулаками. – Зачем всех разбудил, а? Заткнись и лежи тише воды, понял? А не-то... Вадик, давай!

У Белова не было никакой возможности остановить подлеца, Тимофей попытался лягаться, но из-за боли быстро переключился на удары линейками. Вадик же – крепкий рыжий мальчуган лет двенадцати – зло ухмыльнулся и забрался на койку Тима в районе ног. Словно в странном, карикатурном сне Белов, пребывая в шоке, сквозь частые удары и боль наблюдал, как мальчишка снял широкие черные трусы и начал справлять нужду прямо на Тимофея, вернее на одеяло, которым он укрывался. Пацан что есть силы заработал ногами и почти выпрыгнул из койки, съезжившись в обнимку с подушкой у изголовья.

– Новенький, да ты обмочился! – с издевательской ухмылкой объявил черноволосый, видимо главный в комнате. Остальные с презрением на лицах стали расходиться.

– Еще будешь орать по ночам, пойдешь спать в коридор, – заявил он, потом схватил мокрое одеяло и накинул на Белова. – Иди проветришься и умойся. Может, тогда перестанешь пугаться темноты? А здесь сегодня чтобы не появлялся. Мы спать хотим, а не слушать твои вопли! И еще... – мальчишка откинул сырое одеяло от Тимки, приблизил лицо вплотную и прошептал:

– Если наябедничаешь, со света тебя сживу! Ты – новенький, ты – никто! А я в этой комнате главный!

Было обидно и страшно. Страх полного и невыносимого одиночества начинался где-то в груди. Мальчик смотрел на мальчишек и не мог поверить, что они – маленькие чудовища, чем-то сродни его отчиму. Глаза наполнились слезами, но Тимофей, до скрипа сжав зубы, унял невыносимое желание плакать. Только не здесь! Только не перед этими уродами!

Белов уже в крошечной темноте, – мальчишки не дождались, когда он уйдет, и выключили свет, – откинул мокрое одеяло на спинку кровати, пусть сохнет, а сам, лавируя меж коек и спотыкаясь о тапки ребят и бесчисленные ножки, кое-как добрался до двери и вышел в коридор.

– Эй! Не скрипи дверь, урод! – донеслось из комнаты.

Тимка закрыл дверь и показал всем им кулак и выставленный средний палец, а потом прижался к двери спиной и сполз на пол, спрятав голову в коленях.

– Хочу домой, – прошептал мальчик. – Хочу к маме!

Некоторое время мальчик сидел на ламинированном полу, потом слегка приподнял голову, чтобы незаметно для возможных свидетелей осмотреть коридор. Длинный слабо освещенный, – всего три лампы на сто метров, – в одном конце туалеты с пожарной лестницей, в другом – стол дежурной няни с выходом с этажа. Об этом Тимка узнал за день, когда бродил по новому месту, что должно было когда-нибудь стать домом. Но мальчик чувствовал, что не станет. Это он понял ещё днем, когда его почти за шкуру занесли на второй этаж и затолкнули в блок. Потом в туалете подошли «знакомиться» пацаны. Среди них были и этот урод Вадик, и черноволосый «главнюк». Были и другие с не менее противными манерами. Они толкали новенького, уточняли что-то про наличие мобильного, которого у Тимки никогда не водилось, и в итоге просто поколотили за то, что Белов врёт. Им и в голову не могло прийти, что новенький жил дома без смартфона. Раз уж здесь у ребят были плохенькие телефоны, то вне стен детского дома родители должны были заботиться о ребенке и обязательно купить тому крутой смартфон.

Странно, именно в таком положении и боялся оказаться Тимка, когда молчал о побоях отчима, но именно в таком оказался... Как несправедлива жизнь!

– Хочу к мамке! Хочу к мамке! Хочу к мамке! – как мантру шептал мальчик и вглядывался в полутемный коридор, понимая, что это желание невыполнимо.

Мальчик едва понимал, что окружающая его тьма, почти заполнившая коридор, успокаивала. С ней лучше, чем за дверью среди пяти дураков-мальчишек. С ней не страшно и не больно. Она даже скрывала изъяны, хоть это и не всегда заметно. Вот вроде трещина на стене, ползущая снизу, но свет исчез, и трещина растворилась. Так и боль в душе мальчика. Почему-то пропала, как только он оказался один в полутемном коридоре. Странно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.